D 8/364

D 8/364

МИХАИЛЪ ДМИТРІЕВИЧЪ

СКОБЕЛЕВЪ,

ЕГО ЖИЗНЬ И СЛУЖБА РОДИНѢ.

СЪ ДВУМЯ ПОРТРЕТАМИ.

ЛЕЖАЩІЙ ВЪ ГРОБѢ

РИСОВАНЪ

Художникомъ Н. П. Чеховымъ.

Цѣна 25 коп.

МОСКВА.
Изданіе Н. К. Коди и И. С. Матросова.
1882.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

При изданіи настоящей книжки о Михаилѣ Дмитріевичѣ Скобелевѣ, нами руководило одно искреннее желаніе дать нашимъ читателямъ—*болѣе полное* описаніе жизни уважаемаго и любимаго всѣми «бѣлаго генерала». При составленіи ея мы пользовались сочиненіями Немировича-Данченко, Максимова, Имшенецкаго, а также газетами и журналами, которымъ и приносимъ нашу искреннюю благодарность.

Имѣя въ виду въ непродолжительномъ времени издать еще болѣе полную книжку, въ которую войдетъ все, чего до сихъ поръ мы еще не имѣли возможности собрать, мы надѣемся, что лица, которымъ извѣстно о Скобелевѣ что-либо, еще не бывшее въ печати, и что подходитъ подъ наше народное изданіе, соблаговолятъ подѣлиться съ нами своими, драгоцѣнными для русскаго народа, матеріалами.

2007056011

МИХАИЛЪ ДМИТРІЕВИЧЪ

СКОБЕЛЕВЪ,

ЕГО ЖИЗНЬ И СЛУЖБА РОДИНѢ.

СЪ ДВУМЯ ПОРТРЕТАМИ.

ЛЕЖАЩІЙ ВО ГРОБѢ

РИСОВАНЪ

Художникомъ Н. П. Чеховымъ.

БИБЛІОТЕКА * М.П.М.

Изданіе Н. К. Коди и И. С. Матросова.

МОСКВА. 1882 года.

Типографія газеты „Московскій Телеграфъ“ (И. И. Родзевича). Петровка, домъ Городского Кредитнаго Общества.

Дозволено цензурою. Москва, 1882 г, іюля 21 дня.

25-го ИЮНЯ.

Зачѣмъ толпой стоитъ народъ?
Чего въ безмолвіи онъ ждетъ?
Въ чемъ горе, въ чемъ недоумѣнье?
Не крѣпость пала, не сраженье
Проиграно,—палъ *Скобелевъ! Не стало*
Той силы, что была страшнѣй
Врагу десятка крѣпостей....
Той силы, что богатырей
Намъ сказочныхъ напоминала.

* * *

И эта сила—на столѣ,
И эта сила будетъ въ гробѣ,
Подъ саваномъ, въ сырой землѣ,
О, какъ не быть тоскѣ и злобѣ,
Какъ не страдать!....

* * *

Онъ былъ одинъ,
Отвсюду, съ юга и востока,
Россіи виденъ издалека
Какъ богъ войны, какъ исполинъ.—
Казалось, русская природа
Его изъ мѣди отлила
И въ руки мечъ ему дала
Во славу русскаго народа.
Подъ непріятельскимъ огнемъ,
Иль въ натискѣ безумно-смѣломъ,
Онъ намъ въ своемъ колетѣ бѣломъ,
Казалось, былъ прикрытъ щитомъ:
Архистратига Михаила...
И нѣтъ его, и эта сила
Разбита!.. Кто-жъ ее разбилъ?
Увы! никто...
Она сама себя разбила:
Невыносимъ ей былъ покой;
Опасности кровавый бой,
Борьба была ея стихія;
Ее томила жажда дѣлъ
И славы—избранныхъ удѣлъ.
Плачь, сокрушенная Россія!
Онъ на тебя похожъ былъ—да!
Какъ ты, для мирнаго досуга,
Для скромныхъ буденъ и труда
Спокойнаго, не воспиталъ онъ
Своихъ великихъ чудныхъ силъ...

Полонскій.

ИЗЪ НАДГРОБНАГО СЛОВА, СКАЗАННАГО ПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ АМВРОСІЕМЪ.

„Много возникаетъ въ умѣ вопросовъ и недоумѣній по поводу преждевременной и неожиданной кончины нашего знаменитаго героя Михаила Дмитріевича Скобелева.

Не былъ ли онъ еще такъ молодъ и полонъ силъ? Не были ли такъ нужны для отечества его дарованія? Не покоилось ли на немъ такъ много нашихъ надеждъ, не сопутствовали ли ему всюду наши благожеланія? Не былъ ли онъ видимо хранимъ провидѣніемъ для будущаго, оставаясь невредимымъ среди тысячи опасностей и смертей? Зачѣмъ же и какъ все это такъ внезапно рушилось?

Но при возникновеніи подобныхъ вопросовъ на уста всѣхъ, благоговѣющихъ предъ неисповѣдимыми судьбами божественнаго провидѣнія, налагаетъ печать извѣстная притча Спасителя: „Вы знаете“, говоритъ Господь: „что если бы вѣдалъ хозяинъ дома, въ который часъ пріидетъ воръ, то бодрствовалъ бы и не допустилъ бы подкопать домъ свой.

И вотъ домъ подкопанъ, драгоцѣнная жизнь похищена. Великая утрата такъ внезапна, нравственное потрясеніе такъ сильно, что не знаешь, что сказать при всемъ желаніи почтить благодарнымъ словомъ дорогую память почившаго. Какъ изъ глаза матери, склонившейся надъ гробомъ юнаго сына, вперившей взоръ въ его милыя черты и отыскивающей въ потускнѣвшемъ лицѣ прежнихъ выраженій жизни, красоты и любви, незамѣтно для нея самой, ручьями текутъ слезы, застилая предъ нею туманомъ самый предметъ печальнаго ея созерцанія. Такъ каждый изъ насъ теперь, передъ безжизненными останками нашего народнаго любимца, напрасно сталъ бы усиливаться возстановить для себя въ цѣлости и полнотѣ его муже-

ственный, свѣтлый, вдохновляющій нравственный обликъ, который при его жизни съ его именемъ возникалъ всегда въ нашемъ воображеніи. Все застилаютъ неудержимыя слезы: горько, жалко; отечество хоронитъ милаго сына; всѣ мы оплакиваемъ близкаго, роднаго по духу человѣка. Плачь о немъ русское воинство: онъ былъ твоею честію и украшеніемъ; плачьте крестьяне и крестьянки: онъ былъ отцомъ дѣтей вашихъ, этихъ дивныхъ нашихъ рядовыхъ воиновъ, съ которыми по-братски онъ дѣлилъ труды и лишенія; плачь русскій народъ: въ немъ бился пульсъ твоей жизни, онъ былъ чуткимъ истолкователемъ твоего призванія, носителемъ твоихъ идеаловъ, ревнителемъ твоей чести и славы.

Предоставимъ времени раскрыть событія жизни, особенности талантовъ, тайны военныхъ успѣховъ, черты личной доблести и характера, убѣжденія, думы и помыслы этого замѣчательнаго русскаго человѣка, такъ рано похищеннаго смертію. Въ этомъ не оставятъ, конечно, удовлетворить нашимъ справедливымъ желаніямъ безпристрастные и опытные цѣнители военныхъ дарованій и успѣховъ, боевые товарищи почившаго и друзья его, передъ которыми онъ открывалъ свою душу и ея завѣтныя стремленія. Но намъ желательно бы понять тайну той рѣдкой общеизвѣстности и той любви народной, которыя въ такіе молодые годы жизни успѣлъ пріобрѣсть почившій и которыя составляютъ высшую награду и утѣшеніе для всякаго общественнаго дѣятеля.

Намъ кажется, что тайна эта заключалась, главнымъ образомъ, не въ талантахъ его и побѣдахъ, не въ личныхъ свойствахъ его характера, а въ его полной, всецѣлой, безграничной любви къ отечеству и къ государю, которыхъ никогда не раздѣляетъ въ своемъ сознаніи истинно русскій человѣкъ. У него не было другой любви и привязанности, кромѣ любви къ отечеству; не было личныхъ интересовъ: его занимали только нужды отечества; о немъ онъ думалъ непрестанно; съ мыслію о немъ пилъ и ѣлъ, ложился и вставалъ. У него не было другихъ разговоровъ, какъ только о предстоящей отечеству будущности, объ угрожающихъ ему опасностяхъ и о способахъ предупрежденія ихъ. Онъ любилъ отечество

съ ревностью; его оскорбляло все, что казалось ему въ сужденіяхъ другихъ непониманіемъ истиннаго блага отечества или холодностью и равнодушіемъ къ судьбѣ его. Любовь къ отечеству была пламенемъ въ его сердцѣ, пожиравшимъ его самого. Она была источникомъ и той беззавѣтной храбрости и безтрепетнаго мужества предъ лицомъ смерти, которыя сдѣлали его въ памяти народа героемъ легендарнымъ. Онъ вездѣ носилъ жизнь въ своихъ рукахъ какъ готовую жертву, ожидая случая съ радостью и благоговѣніемъ возложить ее на алтарь любви къ отечеству. Любовь къ отечеству дѣлала его неутомимымъ въ трудахъ, нечувствительнымъ къ лишеніямъ, неудержимымъ въ рѣчахъ. Ни въ пылу битвъ, ни въ борьбѣ партій, ни въ раздраженіи враговъ, онъ не видѣлъ, не признавалъ опасностей; онъ несся выше всего въ своемъ неудержимомъ стремленіи жить, дѣйствовать и жертвовать собою для блага, величія и славы отечества.

Но любовь къ отечеству есть сила живая, свѣтящая, согрѣвающая. Она сообщаетъ всѣмъ дѣйствіямъ человѣческимъ чистоту и возвышенность, словамъ искренность и правду, мыслямъ опредѣленность, намѣреніямъ крѣпость, отдаленнымъ планамъ и предположеніямъ близость и удобоисполнимость и на все кладетъ печать одной ей свойственной красоты и привлекательности. И народъ не предубѣжденный, прямодушный сердцемъ, понимаетъ эти возвышенныя качества дѣлъ, изъ любви къ нему исходящихъ, и по чувству взаимности влечется къ человѣку, объемлющему его своею любовію. И этотъ человѣкъ становится для него олицетвореніемъ любви и совершенства и врѣзывается навсегда въ его воображеніи, увѣковѣчивается въ его памяти и имя его переходитъ изъ устъ въ уста, изъ рода въ родъ.

Мы видѣли, какія массы народа наполняли улицу передъ домомъ, гдѣ лежало тѣло Скобелева въ первое время послѣ его смерти; на всѣхъ лицахъ были написаны скорбь и отчаяніе; народъ, казалось, хотѣлъ бы вырвать его изъ самыхъ челюстей смерти. Это—любовь за любовь. Но не забудьте, что это любовь народа христіанскаго, православнаго. На слѣдующее утро мы видимъ иное ея проявленіе: во всѣмъ алтарямъ Московскихъ церквей принесены предъ литургіей

во множествѣ просфоры и поминанія: „объ упокоеніи новопреставленнаго раба Божія Михаила“. И это пойдетъ изъ рода въ родъ. Чтб можетъ быть прекраснѣе и утѣшительнѣе этого выраженія любви народной?

Да будетъ, Господи, эта народная молитва очистительною жертвой за грѣхи почившаго! Ради любви его къ нашему православному отечеству, ради любви къ нему народа Твоего, ради слезъ нашихъ и сердечной молитва нашей о немъ, паче же ради Твоей безконечной любви, благоволительно пріемлющей чистую любовь человѣческую во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ, буди къ нему милостивъ на судѣ Твоемъ праведномъ!“

Михаилъ Дмитріевичъ СКОБЕЛЕВЪ,

ЕГО ЖИЗНЬ И СЛУЖБА РОДИНѢ.

Фамилія Скобелевыхъ начинаетъ свою родословную съ однодворца Никиты Скобелева, который въ концѣ прошлаго столѣтія дослужился до званія сержанта; женясь на дворянкѣ Коревой, онъ имѣлъ трехъ сыновей, изъ которыхъ младшій, Иванъ Никитичъ, былъ генераломъ отъ инфантеріи, комендантомъ Петербургской крѣпости и писателемъ, разсказы и драматическія произведенія котораго въ свое время пользовались большимъ успѣхомъ, особенно среди войска. У него было двѣ дочери и восемь сыновей; одна изъ дочерей (Анна) умерла еще въ младенчествѣ, а Вѣра вышла замужъ за флигель-адъютанта полковника К. Ѳ. Опочинина, внука, по женской линіи, знаменитаго князя Кутузова-Смоленскаго; изъ восьми сыновей его одинъ утонулъ въ Окѣ, пятеро умерли въ младенчествѣ; седьмой же сынъ его, Дмитрій Ивановичъ, дослужился до генералъ-лейтенанта и за послѣднюю войну получилъ Георгія 3-й степени. Онъ былъ женатъ на Ольгѣ Николаевнѣ Полтавцевой, имѣлъ сына Михаила и трехъ дочерей: Надежду, Ольгу и Зинаиду.

Сынъ его Михаилъ и есть тотъ доблестный „бѣлый генералъ“, смерть котораго на дняхъ такъ жестоко потрясла сердца русскихъ.

Изъ дочерей Дмитрія Ивановича—старшая (Надежда Дмитріевна) замужемъ за княземъ К. Э. Бѣлосельскимъ-Бѣлозерскимъ, средняя (Ольга Дмитріевна)—за В. П. Шереметевымъ, а младшая (Зинаида Дмитріевна)—за его высочествомъ Евгеніемъ Максиміліановичемъ, княземъ Романовскимъ, герцогомъ Лейхтенбергскимъ (сыномъ покойной великой княгини Маріи Николаевны и герцога Лейхтенбергскаго; тетки же покойнаго—одна за графомъ Адлерберг-

Типографія Н. К. Коди.

МИХАИЛЪ ДМИТРІЕВИЧЪ СКОБЕЛЕВЪ.

томъ, бывшимъ министромъ двора, другая—за графомъ Барановымъ.

Михаилъ Дмитріевичъ родился въ Петербургѣ 17-го сентября 1843 года; отецъ его былъ человѣкъ довольно суровый и старыхъ порядковъ. Онъ нанялъ сыну гувернера нѣмца, который оказался человѣкомъ настолько безтолково-строгимъ, что билъ мальчика за всякій пустякъ.

Скобелевъ, обладая съ дѣтства независимою натурой, вспыльчивостью и необыкновенною подвижностью, которую можно назвать буйствомъ, сердился и негодовалъ. Между гувернеромъ и ученикомъ установилась вражда. Гувернеръ ухаживалъ за кѣмъ-то и, отправляясь къ ней, надѣвалъ фракъ, цилиндръ и новыя перчатки. Скобелевъ мазалъ ваксой ручку двери, которую долженъ былъ отворить гувернеръ. 12-ти лѣтъ Скобелевъ былъ влюбленъ въ дѣвочку такихъ же лѣтъ и въ деревнѣ катался съ ней верхомъ. Однажды въ присутствіи ея гувернеръ ударилъ его по лицу; Скобелевъ вспылилъ, плюнулъ ему въ лицо и ударилъ по щекѣ. Этотъ случай рѣшилъ дальнѣйшую судьбу мальчика. Отецъ видѣлъ, что нѣмцу съ его жестокостью не справиться со Скобелевымъ и отдалъ сына Дезидерію Жирарде, державшему пансіонъ въ Парижѣ. На этотъ разъ онъ попалъ въ прекрасныя руки. Жирарде, образованнѣйшій, благородный и честный человѣкъ, имѣлъ громадное вліяніе на нравственное воспитаніе Скобелева; главнымъ образомъ онъ воспиталъ въ немъ религію долга. Жирарде пріѣхалъ съ нимъ потомъ въ Россію и болѣе не разлучался. Въ послѣдствіи воспитатель пріѣзжалъ къ своему воспитаннику на войну. Это была самая искренняя привязанность Скобелева; онъ съ нимъ часто совѣтовался и обезпечилъ его.

Родители М. Д. Скобелева желали, чтобы онъ закончилъ свое образованіе въ Россіи. Онъ поступилъ въ Петербургскій университетъ; но возникшіе въ 1861 году въ университетѣ безпорядки, повлекшіе за собой временное закрытіе послѣдняго, не позволили Скобелеву окончить университетскаго курса. Выйдя изъ университета, онъ поступилъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ, а въ 1863 году былъ произведенъ въ корнеты. Польское возстаніе только-что разгоралось; но этого уже было достаточно, чтобы заставить

Скобелева хлопотать о переводѣ въ лейбъ-гвардіи Гродненскій гусарскій полкъ.

Первое дѣло, въ которомъ онъ участвовалъ, было подъ Мѣховымъ. И тутъ, и вообще въ теченіе всей кампаніи молодой корнетъ Скобелевъ доказалъ, что его не даромъ тянуло къ военному дѣлу; на самыхъ первыхъ порахъ своей боевой дѣятельности, онъ выказалъ замѣчательную личную храбрость и военныя способности, которыя высоко цѣнили въ то время его товарищи и начальники. За дѣло въ Радковицкомъ лѣсу, при уничтоженіи шайки Шеміота отрядомъ подполковника Занкисова, онъ былъ удостоенъ ордена Св. Анны 3-й степени, съ надписью „за храбрость".

Когда, съ окончаніемъ мятежа „дѣла" не стало, Скобелевъ вернулся въ Петербургъ и поступилъ въ Николаевскую Академію генеральнаго штаба, гдѣ также обратилъ на себя вниманіе своими выдающимися способностями.

Во время Датской кампаніи въ 1864 году Скобелевъ, находясь въ заграничномъ отпуску, посѣтилъ театръ войны въ то время, когда военныя дѣйствія еще не прекратились.

По окончаніи курса, охваченный жаждой боевой дѣятельности, вмѣстѣ съ причисленіемъ къ генеральному штабу, онъ былъ назначенъ на службу въ Туркестанскій край, гдѣ коротко познакомился съ условіями степной войны, со свойствами и обычаями средне-азіятскихъ полчищъ и сроднился съ солдатомъ, познавъ его душу и его боевыя особенности.

Боевую службу свою въ Туркестанѣ Скобелевъ началъ въ 1869 году въ отрядѣ полковника Абрамова, дѣйствовавшемъ на бухарской границѣ, а затѣмъ переведенъ былъ въ составъ войскъ, назначенныхъ, подъ начальствомъ полковника Столѣтова, для дѣйствій въ окрестностяхъ Красноводска. Здѣсь, въ развѣдкахъ и экспедиціяхъ, производимыхъ въ большихъ размѣрахъ, молодой Скобелевъ, командуя кавалеріей красноводскаго отряда, обращалъ на себя вниманіе дѣлаемыми имъ въ степи нетолько географическими открытіями, но и отличными топографическими съемками, занесеніемъ на планъ важнѣйшихъ карованныхъ дорогъ, изысканіями колодцевъ и проч.

Возвратившись въ Петербургъ, Скобелевъ былъ прикомандированъ на время къ генеральному штабу, затѣмъ

назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба 22-й пѣхотной дивизіи, съ переводомъ въ генеральный штабъ капитаномъ (въ 1872 году), а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по распоряженію его высочества главнокомандующаго Кавказской арміей, прикомандированъ къ 74-му Ставропольскому полку для командованія баталіономъ.

Скобелевъ въ Средней Азіи.

Съ открытіемъ въ 1873 году хивинской экспедиціи, мы находимъ подполковника Скобелева въ Мангышлакскомъ отрядѣ, направленномъ, въ числѣ другихъ, подъ начальствомъ полковника Ломакина, къ Хивѣ. Въ этомъ трудномъ походѣ по безводной степи, подъ палящими лучами южнаго солнца, Скобелевъ все время шолъ впереди, командуя первымъ эшелономъ, а затѣмъ авангардомъ отряда. Должно замѣтить при этомъ, что движеніе нашего отряда облегчалось тѣмъ обстоятельствомъ, что киргизы не хотѣли вѣрить въ возможность для русскихъ войскъ пройти по пути, по которому они сами рѣдко ходятъ въ это время года; а потому встрѣчные аулы были застигаемы врасплохъ и не выдерживали нашего неожиданнаго натиска. На одинъ изъ такихъ ауловъ натянулся подполковникъ Скобелевъ съ двѣнадцатью казаками и когда люди, бывшіе въ этомъ аулѣ, дали по немъ залпъ, онъ бросился на нихъ стремительно въ шашки и, не смотря на то, что ихъ было до 100 человѣкъ, обратилъ въ бѣгство, захвативъ 180 верблюдовъ и до 800 пудовъ хлѣба; въ этой стычкѣ Скобелевъ былъ легко раненъ: ему нанесено шесть колотыхъ пикой и сабельныхъ ранъ, что не помѣшало ему на другой день быть снова на конѣ. При дальнѣйшемъ движеніи къ Хивѣ Скобелевъ принимаетъ самое дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, нерѣдко выручая отрядъ изъ критическаго положенія то смѣлымъ натискомъ конницы, то выдержаннымъ огнемъ пѣхоты, а при атакѣ городской стѣны, во главѣ двухъ ротъ, первымъ пробивается въ брешь и беретъ съ боя три непріятельскія орудія.

Предъ выступленіемъ нашихъ войскъ изъ предѣловъ Хивы Скобелевъ добровольно вызывается произвести опас-

ную рекогносцировку пути, не пройденнаго красноводскимъ отрядомъ (не дошедшимъ, какъ извѣстно, до Хивы) и оставшагося не обслѣдованнымъ. Выступивъ, съ разрѣшенія главнаго начальника экспедиціонныхъ силъ, изъ Змукшира 4-го августа, когда наши войска уже оставили туркменскія земли, Скобелевъ, въ сопровожденіи трехъ туркменовъ-проводниковъ, совершилъ смѣлую поѣздку къ Артакую, сдѣлавъ въ теченіе семи дней 560 верстъ. За боевыя отличія въ теченіе хивинской экспедиціи подполковникъ Скобелевъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-й степени и вскорѣ назначенъ флигель-адъютантомъ.

Въ августѣ 1875 года положеніе наше въ Средней Азіи было въ высшей степени затруднительнымъ: волненія въ Коканѣ, изгнаніе преданнаго намъ Худояръ-хана и объявленіе священной войны (газавата) невѣрнымъ, готовое охватить все населеніе при энергической иниціативѣ воинственнаго и свирѣпаго Абдурахмана-автробачи, грозили намъ серіозною опасностью. Въ такихъ обстоятельствахъ нужно было дѣйствовать быстро и рѣшительно; а потому, при первой возможности, начальникомъ края генералъ-адъютантомъ Кауфманомъ сформированъ былъ въ Ходжентѣ отрядъ и двинутъ въ предѣлы Коканскаго ханства для разсѣянія скопищъ Абдурахмана-автобачи. Какъ во время движенія нашихъ войскъ, такъ и въ первомъ серіозномъ дѣлѣ съ коканцами подъ Махрамомъ (23-го августа), полковникъ Скобелевъ, оказалъ неизчислимыя услуги отряду въ званіи начальника кавалеріи; о чемъ генералъ Кауфманъ неоднократно и съ признательностью удостовѣрялъ въ донесеніяхъ о совершавшихся тогда дѣлахъ; въ дѣлѣ подъ Махрамомъ Скобелевъ былъ легко раненъ. По разгромленіи полчищъ Абдурахмана, войска наши двинулись къ столицѣ ханства; при чемъ предполагавшійся тогда штурмъ Кокана былъ также въ значительной степени облегченъ трудами Скобелева; въ бытность свою въ Коканѣ передъ войной (въ іюлѣ 1874 года) въ составѣ нашего посольства, Скобелевъ воспользовался своимъ пребываніемъ въ столицѣ ханства и произвелъ превосходную рекогносцировку городской стѣны, барбетовъ, воротъ, путей, ведущихъ къ городу, и окрестностей его, въ окружности верстъ на десять, предоставивъ при этомъ подробный

планъ и описаніе. Трудъ этотъ исполненъ былъ съ большимъ рискомъ, такъ какъ въ то время въ Коканѣ уже было сильное возбужденіе умовъ, послѣдствіемъ котораго было изгнаніе хана и выѣздъ нашего посольства. По занятіи безъ боя столицы ханства, Скобелевъ былъ назначенъ съ небольшимъ летучимъ отрядомъ для преслѣдованія Абдурахмана-автобачи; при чемъ, неустанно слѣдуя по пятамъ за кипчакскимъ предводителемъ и дѣлая поистинѣ суворовскіе переходы, онъ довелъ недавно грознаго Абдурахмана до полнаго бѣгства; имъ брошены были обозъ, орудія и принадлежащій ему священный значекъ, вывезенный изъ Мекки. Это молодецкое преслѣдованіе, въ связи съ пораженіемъ подъ Махрамомъ, произвело громадное впечатлѣніе на населеніе ханства.

Тѣмъ не менѣе дѣло еще далеко не было окончено. По уходѣ нашего главнаго экспедиціоннаго отряда на зиму въ Ходжентъ, во вновь занятомъ нами краѣ, именованномъ Наманганскимъ отдѣломъ, оставленъ былъ небольшой отрядъ подъ начальствомъ свиты его величества генералъ-майора Скобелева, которому теперь впервые пришлось выступить въ роли самостоятельнаго начальника. По данной ему инструкціи, генералъ Скобелевъ долженъ былъ дѣйствовать стратегически-оборонительно, не переходя предѣловъ занятой мѣстности; а между тѣмъ враждебное намъ населеніе, поддерживаемое оправившимся Абдурахманомъ, производило частыя вторженія, которыя съ наступленіемъ весны должны были усилиться и поднять весь край, находившійся въ напряженномъ состояніи и готовый къ общему взрыву. Такому тяжолому и еще небывалому въ Средней Азіи положенію дѣлъ надлежало положить предѣлъ: того требовала необходимость поддержать авторитетъ русскаго имени и доставить населенію возможность мирной и безопасной жизни. Такимъ образомъ Скобелеву, предназначенному въ началѣ для второстепенной роли, пришлось выступить на первый планъ и рѣшить дѣло собственными средствами, такъ какъ время не терпѣло. Глубоко изучивъ характеръ средне-азіятцевъ, Скобелевъ рѣшилъ поразить непріятеля въ самомъ центрѣ его враждебной дѣятельности и тѣмъ отбить у него охоту тягаться съ нами; предметомъ дѣйствій выбранъ былъ Андиджанъ,

населеніе котораго принимало самое дѣятельное участіе въ возстаніи и было въ высшей степени возбуждено предшествовавшими дѣйствіями, считавшимися ими за побѣду (войска наши нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, заявъ Андиджанъ, отступили). Рѣшившись съ своимъ небольшимъ отрядомъ (9 ротъ, 7½ сотенъ и 12 орудій, всего 2,800 чел.) штурмовать Андиджанъ, въ которомъ собралось до 30,000 вооруженныхъ жителей, искусныхъ, какъ вообще всѣ азіятцы, въ оборонѣ, и сознавая важность предстоявшей задачи, Скобелевъ въ мельчайшихъ подробностяхъ обдумалъ планъ штурма и выказалъ то рѣдкое сочетаніе рѣшимости съ осторожностью, которое составляетъ удѣлъ избранныхъ натуръ, способныхъ вести войска къ побѣдѣ. Собравъ всевозможныя разспросныя свѣдѣнія о населеніи города и настроеніи жителей, заручившись планомъ крѣпостной стѣны, Скобелевъ осторожно, подстерегая свою будущую добычу и высматривая ея слабыя стороны, нѣсколько дней ходилъ вокругъ города, производя самыя тщательныя рекогносцировки, которыя производились немалымъ отрядомъ, а всею кавалеріей отряда, внушительно дѣйствовавшею на обороняющихся; въ одной изъ такихъ рекогносцировокъ, подойдя на разстояніе версты къ части города, слабо наблюдаемой коканцами, Скобелевъ со штабомъ и конвоемъ быстро поскакалъ къ самой стѣнѣ и проѣхалъ даже за ограду, высмотрѣвъ что было нужно. Коканцы, пораженные неожиданностью, давъ нѣсколько выстрѣловъ, бѣжали со стѣны. Этотъ налетъ былъ однимъ изъ тѣхъ кажущихся рисковъ, которые въ сущности представляютъ вѣрный разсчетъ, скомбинированный зоркимъ военнымъ взглядомъ. Когда все было подготовлено, 8 января 1876 года генералъ Скобелевъ повелъ на штурмъ свои колонны, которыя, выйдя на возвышеніе, увидѣли обширный городъ, обнесенный крѣпкою оградой (4—6 аршинъ высоты и 3 аршина толщины въ основаніи) и унизанный бѣлыми чалмами непріятеля; изъ-за стѣнъ неслся глухой ревъ трубъ, бой барабановъ, взвизгиванье флейтъ и крики „уръ-уръ“, которыми узбеки возбуждаютъ себя къ битвѣ. Но горсть храбрецовъ, ведомая твердою рукой, преду прежденная обо всемъ своимъ храбрымъ и увѣреннымъ начальникомъ, быстро преодолѣла всѣ препятствія и въ

нѣсколько часовъ пылающій Андиджанъ былъ въ нашихъ рукахъ. Тогда Скобелевъ, оставивъ часть своихъ войскъ въ Андиджанѣ и желая воспользоваться впечатлѣніемъ побѣды, съ ничтожнымъ отрядомъ пошолъ отыскивать Абдурахмана-автобачи, который уклонился отъ защиты Андиджана, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ душой возстанія. Скобелевъ нагналъ его, неутомимо преслѣдовалъ и 26 января принудилъ къ сдачѣ, вмѣстѣ съ его главнѣйшими сподвижниками и 500 джигитами. Участь Ферганской долины была рѣшена и 5-го февраля Коканское ханство было присоединено къ Россіи, а генералъ Скобелевъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Ферганской области и командующимъ въ ней войсками.

Изложивъ здѣсь въ самыхъ краткихъ чертахъ фактическую сторону дѣятельности Скобелева въ Средней Азіи, нельзя не упомянуть о его детальныхъ распоряженіяхъ, въ высшей степени плодотворныхъ и цѣлесообразныхъ, и объ его умѣньѣ примѣняться къ мѣстнымъ условіямъ. Сформированіе конно-стрѣлковаго дивизіона, всюду слѣдовавшаго за кавалеріей и дававшаго ей надежную опору; подготовка къ походу, представляющая образецъ заботливости о солдатѣ и искусства примѣняться къ обстоятельствамъ времени и мѣста; обильное и умѣлое примѣненіе кавалеріи безразлично въ пѣшемъ и конномъ строю, разные способы устройства летучихъ переправъ, наконецъ диспозиція штурма Андиджана, образцовая по ясности и умѣнью предупредить войска обо всемъ, что зналъ самъ начальникъ,—все это представляетъ цѣнный матеріалъ для изученія.

Здѣсь кстати упомянуть объ одномъ эпизодѣ, характеризующемъ какъ отношенія Скобелева къ дѣлу, такъ и туркестанскія войска, и разсказанномъ очевидцемъ. Однажды (30-го ноября 1875) завязнувшее въ рѣкѣ орудіе задержало переправу, а въ это время скрывшіеся подъ крутымъ берегомъ арбакеши ускакали и предупредили о случившемся непріятельскую шайку. Орудіе, не смотря на припряжку многихъ уносовъ, нетолько не поддавалось усиліямъ, но стало втягиваться въ илистое дно. Скобелевъ приказалъ людямъ (2-го Туркестанскаго баталіона) лѣзть въ воду. Было 2 часа ночи; холодно, сильный вѣтеръ. Люди раздѣваются, генералъ дѣлаетъ то же и вмѣстѣ съ ними влѣ-

заетъ въ рѣку по грудь. Орудіе тотчасъ же было вытащено; но командиръ баталіона, старый туркестанецъ, задѣтый за живое, сказалъ потомъ генералу: „Ваше превосходительство, дисциплина у насъ не такъ плоха, чтобы вамъ нужно было самимъ идти въ воду. Вашему превосходительству довольно было приказать".

Михаилъ Дмитріевичъ сначала въ должности начальника кавалеріи, а затѣмъ, какъ военный губернаторъ Ферганской области и начальникъ всѣхъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ бывшемъ коканскомъ ханствѣ, принималъ участіе и руководилъ въ слѣдующихъ сраженіяхъ: Кара-Чукулъ, Махрамъ, Мингъ-Тюбе, Андиджанъ (1-го октября), Тюря-Курганъ, Наманганъ (23—27-го октября), Ташъ-Бала, Балыкчи, Уиджибай, Гуръ-Тюбе, Андиджанъ (8—10-го января 1876 года), Асаке, занятіе Кокана, Янги-Арыкъ; въ алайской экспедиціи (переходъ черезъ горные перевалы Сары-Магулъ 18 тысячъ футовъ и Арчатъ-Даванъ 11 тысячъ футовъ).

За боевыя отличія въ Ферганской области, въ 1875—1876 году, Скобелевъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 3-й степени, золотою саблей съ надписью „за храбрость", золотою же саблей, украшенною брилліантами, и чиномъ генералъ-майора.

Скобелевъ на Дунаѣ.

Когда въ ноябрѣ 1876 года была сформирована дѣйствующая армія, Скобелевъ не получилъ сначала назначенія, но, находясь при дѣйствующей арміи, нѣкоторое время состоялъ начальникомъ штаба отряда, командуемаго его отцомъ, генералъ-лейтенантомъ Скобелевымъ.

Въ переправѣ черезъ Дунай 15-го іюня 1877 года онъ участвовалъ просто въ качествѣ охотника; онъ упросилъ Драгомірова взять его съ собой въ этой скромной роли.

Въ ночь переправы, Скобелевъ отправился на тотъ берегъ послѣ 2-го рейса нашихъ лодокъ на непріятельскій берегъ, вмѣстѣ съ М. И. Драгоміровымъ, штабомъ дивизіи и адъютантами, командированными главнокомандующимъ. Въ „Сборникѣ военныхъ разсказовъ", участникъ переправы такъ описываетъ эпизоды этой ночи, въ которыхъ игралъ видную роль Скобелевъ.

Едва отчалили, какъ лодку стали осыпáть пулями со всѣхъ сторонъ, то въ воду, то въ бортъ лодки, а въ лодку не попадаютъ.

Переѣхали благополучно. Берегъ ужъ нашъ. Высадка происходила немного правѣе противъ назначеннаго мѣста, у Текиръ-Дере.

Бой кипѣлъ во всемъ разгарѣ.

Генералъ Драгомировъ осмотрѣлъ все, что происходило вокругъ него и, уяснивъ себѣ, насколько это было возможно въ страшномъ дыму и въ утреннемъ туманѣ, положеніе, остался какъ-будто недоволенъ. Все, что происходило, показалось ему страшно безтолковымъ.

— Лѣзутъ! лѣзутъ! повторялъ онъ сумрачно.

Скобелевъ былъ рядомъ съ нимъ,—оба пѣшкомъ.

Въ раздумьи и молча глядѣлъ М. И. Драгомировъ, тоска опять начинала его мучить.

Тутъ какъ-разъ раздается голосъ Скобелева.

— Ну, Михаилъ Ивановичъ, поздравляю.

Генералъ взглянулъ на него съ удивленіемъ и увидѣлъ, какъ лицо Скобелева горѣло какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, не то радости, не то страсти.

— Съ чѣмъ? спросилъ Драгомировъ.

— Съ побѣдою, твои молодцы одолѣли.

Гдѣ, гдѣ ты это видишь?

— Гдѣ? На рожѣ у солдата. Гляди-ка на эту рожу, а? Такая у него рожа только тогда, когда онъ супостата одолѣлъ; вишь какъ претъ, любо смотрѣть.

Генералъ Драгомировъ пересталъ глядѣть на общую картину и заниматься вопросомъ: толково или безтолково лѣзутъ его солдатики впередъ; онъ подчинился магическому слову Скобелева, взглянулъ на рожу солдата, взглянулъ и постигъ дотолѣ отъ него бывшую сокрытою тайну: читать побѣду на лицѣ русскаго солдата.

Около девяти часовъ утра турки отступили повсюду. Дѣло могло считаться блистательно конченнымъ. Четвертая стрѣлковая бригада и вторая бригада 14-й дивизіи владѣли уже главными высотами. Еще на правомъ флангѣ поддерживалась перестрѣлка.

— Не пора-ли остановить солдатиковъ? говоритъ генералъ Скобелевъ Драгомирову.

— Пора-то пора, да нѣкого послать, всѣ ординарцы въ расходѣ.

— Хочешь, я пойду? говоритъ Скобелевъ.

— Сдѣлай милость, я тебѣ въ ножки поклонюсь.

Скобелевъ отправился.

Это былъ первый его подвигъ безумной храбрости за Дунаемъ.

Въ бѣломъ кителѣ двинулся онъ тихою походкою, да еще прямо въ самый огонь боя: слѣва наши стрѣлки въ виноградникахъ, справа турки жарятъ съ высотъ; а онъ идетъ-себѣ, все также не спѣша: то подойдетъ къ стрѣлкамъ, пріостановится, поговоритъ съ тѣмъ, съ другимъ, то направится далѣе, и такимъ образомъ вездѣ одинъ, открыто и тихими шагами, онъ обошелъ всѣ войска, передавая приказаніе генерала Драгомірова.

Драгомiровъ въ своемъ боевомъ рапортѣ не могъ нахвалиться храбростью, распорядительностью и неутомимостью Скобелева. На него обратили вниманіе: онъ завоевалъ съ этой минуты довѣріе августѣйшаго главнокомандующаго. Скобелеву стали давать серьезныя порученія. Послѣ неудачи Орловскаго полка на Шипкинскомъ перевалѣ, Скобелева послали поправлять дѣло, но турки ушли отъ него, бѣжавъ изъ укрѣпленій. Явилась необходимость поправить первую неудачу подъ Плевной—и 18-го іюля Скобелеву порученъ отдѣльный крошечный отрядецъ, съ которымъ онъ совершенно самостоятельно дѣйствуетъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, безъ какихъ-либо разсчетовъ на помощь отъ главныхъ силъ, отдѣленныхъ трудно переходимымъ оврагомъ и разстояніемъ въ 6—8 верстъ. Скобелевъ добирается до самаго города Плевны, отвлекаетъ на себя силы Османа и удерживаетъ ихъ отъ преслѣдованія разбитаго отряда князя Шаховскаго. Въ этотъ печальной памяти день 18 іюля, Скобелевъ и старый боевой кавказскій генералъ Горшковъ явили себя героями и поддержали честь русскаго оружія.

Впервые имя Скобелева, какъ начальника, появляется въ день такъ-называемой „второй Плевны“, 18-го іюля, когда, командуя небольшимъ отрядомъ на лѣвомъ флангѣ нашихъ войскъ, онъ превосходно демонстрировалъ противъ непріятеля, отвлекая на себя его силы, удачно задержи-

вая его на каждомъ шагу и прикрывая отступленіе нашихъ войскъ, разстроенныхъ боемъ. Въ тяжолый день 18 іюля дѣйствія небольшаго отряда Скобелева представляли отрадное явленіе и обратили на себя всеобщее вниманіе.

Боевые подвиги Скобелева въ минувшую кампанію,—подъ Ловчей, на Зеленыхъ горахъ, подъ Иметли и Шейновымъ,—поставили имя его на ряду съ самыми дорогими для русскаго народа именами и снискали ему громкую славу далеко за предѣлами отечества.

Мы не имѣемъ цѣли прослѣдить подробно, шагъ за шагомъ, всѣ боевые подвиги Скобелева на театрѣ послѣдней войны, а разскажемъ только самые выдающіеся изъ нихъ.

Ловча и Плевна.

Когда Плевна перешла снова въ руки турокъ и когда мы увидали, что не такъ-то легко будетъ взять ее обратно, мы рѣшили дѣйствовать систематичнѣе: рѣшено было взять предварительно Ловчу, такъ какъ взятіе Ловчи обезпечивало за нами Сельви и Тырновъ, отрѣзывая путь могущаго быть на Ловчу отступленія Османа-паши; кромѣ того, въ случаѣ успѣха съ нашей стороны, давало намъ возможность сосредоточить больше силъ подъ Плевной и могло, во всякомъ случаѣ, благопріятно отразиться на духѣ нашего войска, пришедшаго въ нѣкоторое уныніе.

Былъ сформированъ отрядъ, поступившій подъ команду Скобелева. 11-го августа, вновь сформированный отрядъ сосредоточился на лѣвомъ флангѣ зотовской «западной арміи», противъ Ловчи, у деревни Уаглау, и рано утромъ выступилъ съ мѣста своей стоянки на ловче-сельвинское шоссе. Движеніе этого отряда было обходное; совершаемое въ виду непріятеля, оно представляло большую опасность и, безспорно, отличалось крайнею дерзостью. Приходилось перейти рѣчку и войти въ горы, среди которыхъ Скобелеву предстояло пробираться съ артиллеріей по проселочной, трудно проходимой дорогѣ, круто взбиравшейся на высоты среди узкаго ущелья вдоль ручей-

ка, между двумя крутыми возвышенностями. Ловчинскіе турки оставались на правомъ флангѣ движущагося отряда Скобелева; слѣдовательно, усмотрѣвъ движеніе этого отряда, они имѣли полную возможность ударить ему во флангъ или просто отрѣзать Скобелева прежде, чѣмъ онъ достигнетъ самаго шоссе. Съ цѣлью предупрежденія возможности нападенія турокъ, Скобелевъ выслалъ кавказскую казачью бригаду въ авангардъ, приказавъ ей подойти ближе къ Ловчѣ. День былъ жаркій до невозможности. Солдаты шли безъ ранцевъ, которые везли на подводахъ, вслѣдствіе чего обозъ растянулся на нѣсколько верстъ и замедлилъ движеніе отряда. Артиллерія двигалась съ громадными трудностями по горной дорогѣ, мѣстами обращавшейся въ горную тропинку, извивавшуюся между грудами дикаго камня. Разстояніе отъ деревни Уаглау до шоссе хотя и незначительное, но такой трудный путь возможно было совершить только въ двое сутокъ. 14 го августа къ вечеру отрядъ занялъ позицію вблизи деревни Себрія, какъ-разъ по обѣимъ сторонамъ шоссе, соединяющаго Ловчу съ Сельви.

19-го августа генералъ Скобелевъ повелъ атаку на Ловчу.

Единственнымъ прикрытіемъ для наступающаго оказалась на нѣсколько минутъ мельница на берегу Осьмы, окруженная нѣсколькими деревьями и стоявшая на полянѣ передъ городомъ.

Пробѣжавъ шаговъ семьсотъ отъ мельницы, солдаты неожиданно наткнулись на глубокій оврагъ съ обрывистыми берегами. Первые ряды остановились; произошло смятеніе, которое сейчасъ же стоило жертвъ. Нѣсколько раненыхъ упали въ воду и утонули. Но болѣе хладнокровные отыскали относительно-возможный спускъ и частью сползали, частью скатывались внизъ. Вода, при довольно сильномъ теченіи, оказалась по поясъ. Рѣчку перешли и начался самый трудный маневръ—подъемъ на крутую гору. Все было пущено въ ходъ: плечи товарищей, воткнутыя ружья, толстыя жерди и скоро нѣсколько сотъ человѣкъ были уже на той сторонѣ оврага. По мѣрѣ приближенія къ турвамъ, огонь становился менѣе смертоноснымъ. Непріятель поколебленъ. Турки бросили свои ложементы и бѣжали. Это придало намъ новыя силы. „Ура!“ стало громче и громче.

Добѣжавъ до линіи первыхъ ложементовъ, наши пріостановились и заняли ихъ. Турки стрѣляли, положивъ ружья на скатъ брустверa и не высовывая головы, т. е. не цѣлясь. Наши крикнули: „ура“ и снова бросились впередъ. Вторая линія траншей уже близка! Вотъ, вотъ сейчасъ начнется рукопашная схватка, но... нѣтъ! Турки бѣжали частью въ редутъ, частью на дорогу въ Мидре. Въ ретутѣ происходила суета; вотъ показались изъ него нѣсколько группъ всадниковъ. „Орудія увозятъ! раздались крики солдатъ, и прелесть ощущенія побѣды охватила нашихъ всѣми силами человѣческихъ впечатлѣній. Увѣренные въ побѣдѣ, мы сдѣлали послѣднее усиліе. Со всѣхъ сторонъ солдаты и офицеры карабкались на брустверъ редута въ одиночку. Толпа обѣжала редутъ съ выхода и загородила дорогу туркамъ, имѣвшимъ намѣреніе отступать. Внутри шло избіеніе сопротивлявшагося непріятеля. Уголъ редута между брустверомъ и траверзами у выхода былъ заваленъ грудою труповъ и живыхъ людей, лежавшихъ другъ на другѣ рядами. Одинъ изъ офицеровъ, ворвавшійся изъ первыхъ, скромно стоялъ въ углу редута. Солдаты принялись разбирать кучу своихъ и непріятелей, отдѣляя живыхъ отъ мертвыхъ. Изъ кучи, въ углу редута, было вытащено легко раненыхъ и совсѣмъ здоровыхъ турокъ 103 человѣка.

Атака Ловчи принадлежитъ къ числу блистательныхъ атакъ прошлой кампаніи, хотя она и стоила большихъ жертвъ съ нашей стороны.

Послѣ взятія Ловчи рѣшились атаковать и самую Плевну. Атака была назначена на 30-е августа.

Наши позиціи находились частью на болѣе низменныхъ мѣстахъ сравнительно съ противуположными турецкими позиціями, частью—на горахъ, господствующихъ надъ послѣдними, но слишкомъ удаленныхъ отъ нихъ. Позиція нашего крайняго лѣваго фланга (Зеленыхъ горъ) была, по своимъ мѣстнымъ условіямъ и обстановкѣ, значительно слабѣе праваго, между тѣмъ какъ операціи нашего лѣваго фланга играли главную роль въ дѣлѣ общей атаки и могли бы имѣть громадное значеніе на исходъ ея.

Еще 29 го августа, вечеромъ, тучи заволокли весь горизонтъ и небо разразилось частымъ, пронизывающимъ

дождемъ. Въ полночь всѣ войска получили диспозицію, подписанную генераломъ Зотовымъ.

Диспозиція гласила:

„Завтра, 30-го августа, назначается общая атака укрѣпленнаго плевненскаго лагеря, для чего: 1) съ разсвѣтомъ со всѣхъ батарей открыть самый усиленный огонь по непріятельскимъ укрѣпленіямъ и продолжать его до 9 часовъ одновременно и прекратить всякую стрѣльбу по непріятелю. Въ 11 часовъ дня вновь открыть усиленный огонь и продолжать его до 1 часа пополудни. Съ 1 часа до 2½ часовъ опять прекратить огонь на батареяхъ, а въ 2½ часа вновь начать усиленную канонаду, прекращая ее только на тѣхъ батарехъ, дѣйствію которыхъ могутъ препятствовать наступающія войска; 2) въ 3 часа пополудни начать движеніе для атаки".

Румыны и баронъ Криденеръ должны были атаковать Гривицкій редутъ, генералъ Крыловъ начать атаку съ Радишевскаго хребта (середина арміи), генералъ Скобелевъ— съ лѣваго фланга, съ Зеленыхъ горъ, а генералу Леонтьеву предписывалось войти со своею кавалеріею въ связь съ кавалеріей генерала Лошкарева и дѣйствовать противъ турецкихъ войскъ, могущихъ появиться на лѣвомъ берегу рѣки Вида.

Задача атакующаго заключается въ томъ, чтобы опредѣлить главный нервъ непріятельской позиціи, ударить на него, разорвать связь, если позиція растянута, и такимъ образомъ обезсилить непріятеля. Плевненскія позиціи растягивались на 30 верстъ; нервомъ ихъ мы, очевидно, признали Гривицкій редутъ, потому-что онъ „больше и выше другихъ". Противъ этой мѣстности мы сгруппировали до 64 батальоновъ, а на лѣвый флангъ Скобелева послали 22 батальона. Когда кончился бой, нервъ позиціи оказался у Скобелева, Гривицкій же редутъ представился мѣстомъ простой демонстраціи.

30-го августа съ ранняго утра сталъ накрапывать мелкій дождь, который увеличивался по мѣрѣ приближенія часа всеобщей атаки. Послѣ 9-ти часовъ утра турки, замѣтивъ движеніе нашихъ резервовъ на лѣвомъ флангѣ, начали усиленно бросать гранаты.

За Тученицкимъ оврагомъ, глубокимъ и глухимъ— стояла

палатка Скобелева въ лощинѣ между двумя холмами, а сейчасъ же сзади палатки шло плевно-ловченское шоссе; слѣва двигались резервы.

— Скобелевъ зналъ, что если онъ начнетъ въ 3 часа атаку, ему не удастся взять редуты.

Надо начинать ранѣе сказалъ онъ и, не дожидаясь 3-хъ часовъ, двинулъ передовые батальоны на Зеленыя горы.

Турки сначала изрѣдка пострѣливали изъ орудій. Штабъ Скобелева въѣхалъ въ чащу лѣса и остановился въ виноградникахъ. По мѣрѣ движенія цѣпи впередъ, гранаты учащались. Нужно было предпочесть уѣхать назадъ, къ палаткѣ, въ лощину.

Въ три часа началась общая атака. Невозможно было охватить зрѣніемъ все пространство. Замѣтно было, что у Крылова дѣла́ шли совершенно вяло,—только фланги и поддерживали. Дождь усилился. Наступилъ вечеръ.

Съ наступленіемъ ночи 30-го августа прекратилась перестрѣлка. Атака генерала Крылова была отбита съ большимъ урономъ; одни только правый и лѣвый фланги окончили битвы побѣдою. На правомъ флангѣ заняли большой Гривицкій редутъ, столь страдавшій отъ нашей артиллеріи, а на лѣвомъ флангѣ выбросили турокъ изъ двухъ редутовъ, защищавшихъ городъ Плевну.

Весь секретъ успѣха сраженія, когда планъ подготовленъ заранѣе и распредѣлены роли отдѣльныхъ частей, заключается именно въ сохраненіи боеваго порядка сомкнутыми частями, часто превращающимися въ нестройную толпу. Милліарды пуль выбиваютъ изъ строя тысячи людей и стройные бригады, полки и батальоны часто превращаются въ разстроенную кучку или въ безпорядочную толпу людей. Въ такія минуты присутствіе храбраго, разсудительнаго и хладнокровнаго начальника спасаетъ эту толпу отъ истребленія и приводитъ ее къ несомнѣнной побѣдѣ. Присутствіе начальника воодушевляетъ людей и заставляетъ всѣхъ офицеровъ находиться на своихъ мѣстахъ. Скобелевъ 2-й именно и отличался этими качествами. Передъ началомъ боя, напримѣръ, молодой генералъ садился на коня и, окруженный свитою своихъ ординарцевъ, объѣзжалъ ряды своего отряда.

— Здорово, ребята, звучно произноситъ, бывало, гене-

ралъ, обращаясь къ фронту, и при этомъ смотритъ на солдатъ привѣтливо и любовно.

— Здравія желаемъ, ваше пр—во! въ свою очередь отвѣчаютъ солдаты, не спуская глазъ съ своего молодаго генерала. Симпатичная, добрая и привѣтливая улыбка не сходитъ съ красиваго лица молодаго героя.

— Я, вѣдь, ребята, счастливъ, что служу съ вами.

— Постараемся, ваше превосходительство!

— Вѣдь вы у меня молодцы, ребята? какъ-бы спрашиваетъ Скобелевъ своихъ солдатъ.

— Постараемся, ваше пр—во!

— Надо постараться. Вѣдь на васъ смотритъ вся Россія, ребята; ну, да вы у меня молодцы, я знаю... въ огнѣ увидимся! привѣтливо киваетъ генералъ своею головою.

Такъ, вотъ, и чувствуешь, какъ эти простыя слова заходятъ глубоко въ душу каждаго солдата. „Съ Богомъ!“ говоритъ генералъ начальнику части передъ началомъ боя и часто самъ лично ведетъ часть въ непріятельскій огонь.

30-го августа Скобелевъ 2-й повелъ на турецкіе редуты владимірцевъ, суздальцевъ, 9-й и 10-й стрѣлковые батальоны. Во второй линіи находились 11-й и 12 батальоны стрѣлковъ, ревельцы и либавцы. Расположеніе непріятельскихъ редутовъ было таково: какъ-разъ противъ Зеленой горы, съ которой началась атака, передъ самымъ городомъ Плевною, дома, церкви и мечети котораго были видны какъ на ладони, находился большой редутъ, воздвигнутый на высотѣ совершенно отлогаго холма; вправо сажень на 400 находился другой меньшій редутъ, а въ двухъ верстахъ далѣе—главный укрѣпленный лагерь. Влѣво отъ средняго редута, въ двухъ верстахъ, былъ третій; онъ стоялъ нѣсколько въ тылу атакующаго, когда послѣдній подходилъ къ среднему редуту. Прежде, чѣмъ достигнуть бруствера средняго редута, нужно было пройти версты полторы по совершенно открытому полю. Можете себѣ представить тотъ адъ, въ который попали наши войска, когда, спустившись въ Зеленой горы, они смѣло пошли на приступъ съ криками „ура!“, съ музыкой, барабаннымъ боемъ и развернутыми знаменами.

Прошли владимірцы, суздальцы и стрѣлки,—и всѣ они не дрогнули отъ убійственнаго огня непріятеля. Скобелевъ

пропустилъ ревельцевъ и либавцевъ, самъ бросился впередъ верхомъ на бѣломъ конѣ и однимъ изъ первыхъ вошолъ въ редутъ, сопровождаемый воодушевившимися войсками. Турки кинули свои укрѣпленія, оказавшіяся открытыми съ внутренней стороны, и открыли по насъ такой убійственный огонь, что мысль о возможности удержаться въ редутѣ почти не сживалась съ страшною дѣйствительностью. Хотя приказъ генерала относительно шанцевыхъ инструментовъ и былъ исполненъ, но этихъ инструментовъ оказалось такъ немного, что солдаты кинулись рыть землю руками и манеркаии, лишь бы только закрыть себя отъ убійственнаго огня отступавшихъ турокъ. Капитанъ Куропаткинъ немедленно позаботился о перестановкѣ орудій въ редутѣ. Чтобы судить объ огнѣ, какому подвергались части, вошедшія въ редутъ, достаточно сказать, что ни одна турецкая граната, направленная въ редутъ, не пропадала даромъ, такъ какъ турки имѣли планъ своихъ укрѣпленій и знали до точности разстояніе одного редута отъ другаго.

Солдаты между тѣмъ быстро окопались въ занятомъ редутѣ и повели новую атаку на сосѣдній правый редутъ. Первыя атаки были отбиты, но съ наступленіемъ вечера наши выгнали турокъ и изъ втораго редута. Турки не замедлили перейти въ наступленіе, но были отбиты; они повторили атаку ночью, засѣвъ въ траншеѣ, соединявшей средній редутъ съ крайнимъ, турецкимъ, право-фланговымъ редутомъ, но солдаты выбили ихъ изъ редута штыками и ночная атака турокъ не увѣнчалась успѣхомъ.

30-го августа съ ранняго утра турки повели атаку на занятые нами редуты слѣва и справа. Два раза герои наши дрогнули въ редутахъ и уже готовы были отдать ихъ обратно туркамъ; но каждый разъ, когда приходила минута такого отчаянія, генералъ Скобелевъ вырасталъ какъ изъ-подъ земли передъ лицомъ дрогнувшихъ солдатъ и, ободряя ихъ духомъ, удерживалъ редуты за собою. 24 часа мы держались подъ перекрестнымъ огнемъ непріятеля, разсчитывая на успѣхъ и на поддержку какъ въ серединѣ нашихъ позицій, такъ и на правомъ флангѣ; но всѣ эти надежды не осуществились и войска таяли не по часамъ, а по минутамъ. Пять турецкихъ атакъ, самыхъ

настойчивыхъ, самыхъ рѣшительныхъ атакъ выдержали защитники завоеванныхъ и буквально облитыхъ русскою кровью редутовъ; но въ концѣ-концовъ у Скобелева не хватило больше силъ.

Пять отбитыхъ атакъ не испугали турокъ. Въ то время, когда по всей линіи прекратилась перестрѣлка, на лѣвомъ флангѣ она не умолкала ни на минуту. Былъ моментъ, весьма выгодный для атаки съ нашей стороны крайняго праваго турецкаго редута, но Скобелеву нечѣмъ было атаковать; онъ могъ только держаться, пока хватало его силъ. Въ 4-мъ часу пополудни, послѣ пятой отбитой атаки, было очевидно, что турки ослабѣли окончательно; нѣсколько свѣжаго войска — и Скобелевъ взялъ бы крайній редутъ. Занявъ такимъ образомъ три редута, мы бы утвердились на лѣвомъ флангѣ и плевненское дѣло окончилось бы полнымъ, несомнѣннымъ успѣхомъ. Генералъ посылалъ просить подкрѣпленія нѣсколько разъ, но его считали достаточно сильнымъ и безъ помощи.

Турецкій полководецъ, пользуясь минутою всеобщаго затишья, собралъ всѣ свои наличные резервы, провелъ ихъ сзади города на свой крайній право-фланговый редутъ и повелъ послѣднюю, самую ожесточенную атаку противъ завоеванныхъ нами редутовъ. Одинъ турецкій эшелонъ напалъ на правый малый редутъ и небольшая горсть защищавшихъ его героевъ, при первомъ же дружномъ натискѣ, оказалась выбитою оттуда; часть изъ нихъ была застрѣлена, часть заколота штыками и очень немногіе спаслись, перебѣжавъ въ большой редутъ. Та же участь постигла и этотъ пунктъ. Необыкновенно сильная частая турецкая цѣпь, подкрѣпленная резервами, о которыхъ мы и не мечтали, высыпала изъ опушки лѣса слѣва и съ дружными криками „алла!“ кинулась на большой редутъ. Наши умерли на редутѣ, но не оставили его. Тамъ были жалкіе остатки растаявшаго скобелевскаго отряда и неизвѣстно, набралось ли бы даже какихъ-нибудь двѣ роты. Само собою разумѣется, что всѣ бывшіе въ редутѣ пали жертвами штыковыхъ ударовъ. Моментъ турецкаго ослабленія былъ потерянъ, и вотъ, послѣ ожесточенной 24-хъ-часовой битвы, послѣ столькихъ жертвъ, послѣ столькихъ усилій, линія грозныхъ турецкихъ редутовъ снова предстала передъ жал-

ними остатками нашего обезсиленнаго войска во всемъ своемъ сплоченномъ и на этотъ разъ для насъ уже неприступномъ видѣ. Что оставалось дѣлать генералу Скобелеву въ 7-мъ часу вечера?— Ему оставалось отступить, согласно полученному приказанію, къ Баготскому ручью. Остатки обезсиленныхъ резервовъ князя Имеретинскаго были отведены туда, а генералъ Скобелевъ, собравъ кое-какія силы изъ остатковъ командуемыхъ имъ полковъ, остался въ цѣпи, въ ожиданіи наступленія турокъ.

Три турецкіе редута, взятые Скобелевымъ, были отбиты назадъ турками,—но Скобелевъ сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло; будь ему присланы просимыя имъ подкрѣпленія, Плевна въ этотъ разъ была бы уже наша!

Переходъ Скобелева черезъ Балканы.

Заимствуемъ нѣкоторыя подробности о переходѣ Скобелева черезъ Балканы у Имшенецкаго, бывшаго очевидцемъ и участникомъ этого труднаго дѣла.

Фатальная Плевна еще держалась; но уже за мѣсяцъ до ея паденія Скобелевъ заказалъ въ Тырновѣ, Габровѣ, Дреновѣ, Сельвіи и во многихъ деревняхъ вьючныя сѣдла для всей 16-й дивизіи. Изъ этого можно видѣть, что мысль о переходѣ черезъ Балканы занимала его. Однако послѣ паденія Плевны мы недѣли двѣ не двигались съ мѣста.

Эта Плевна надоѣла намъ хуже горькой рѣдьки и во время осады; теперь же наступила положительная праздность, а потому Плевна сдѣлалась еще тошнѣе. Жажда дѣятельности увеличивалась, а о походѣ ни слуху, ни духу; мы и надежду потеряли.

— Умаялся Скобелевъ,—говорили офицеры,—вѣроятно тутъ и застрянетъ.

Но скоро онъ началъ довольно неопредѣленно говорить намъ:

— Берегите, господа, лошадей; приготовляйтесь къ большому и трудному походу.

Предлагалъ намъ денегъ на покупку лошадей у плѣнныхъ турецкихъ офицеровъ, пока они дешевы; „а потомъ

понадобятся, захотите купить, да ужъ будетъ поздно. и взять-то негдѣ". Наконецъ онъ объявилъ прямо, что мы идемъ на Шипку.

И дѣйствительно, 10-го декабря 1877 года мы выступили.

Походъ отъ Плевны до Сельвіи былъ не легокъ, такъ какъ выпалъ снѣгъ, санная дорога еще не установилась, а замерзшія на дорогѣ кочки дѣлали ее ужасною, особенно для обозовъ и артиллеріи.

Сначала шли малыми переходами, чтобы, такъ-сказать, втянуться въ походъ. До Ловчи на 30 верстъ было 2 перехода, а 3-й переходъ до Сельви уже 25 верстъ. Артиллерія шла не въ полномъ составѣ: вмѣсто 8-ми орудій въ батареѣ шло 6, а по два орудія остались въ Плевнѣ. Орудія запрягались вмѣсто шести лошадей восемью, даже четырехфунтовыя. Фуражъ везли на саняхъ, запряженныхъ буйволами и быками. Обозъ пѣхотный запрягался тоже съ лишнимъ уносомъ впереди, а повозки остававшіяся такимъ образомъ безъ лошадей, везли буйволы.

Запасныя вещи и часть артиллерійскаго обоза, безъ котораго, хотя какъ-нибудь, можно было обойтись, оставлены въ Плевнѣ и только черезъ полгода попали къ своимъ частямъ. Отрядъ былъ раздѣленъ на два эшелона. Погода все время была морозная, ровная, благопріятная, безъ вѣтра, безъ оттепели. На ночлегахъ отрядъ всегда располагался квартирно, но никогда не бивуакомъ. Заботливо высылались ротные котлы впередъ на ночлегъ и къ приходу людей пища уже должна была быть готова. Скобелевъ постоянно пробовалъ пищу и, тщательно замѣчая, приказывалъ записывать—у какой части пища хороша, а у какой плоха. На другой день въ приказѣ воздавалось каждому по заслугамъ: хвалилъ заботливыхъ начальниковъ частей и разносилъ нерачительныхъ.

Выѣзжалъ Скобелевъ всегда послѣ выступленія отряда и, обгоняя его, требовалъ полнаго порядка движенія, а отставшихъ строго преслѣдовалъ.

— Никогда не слѣдуетъ допускать, чтобы солдатъ отставалъ. Тутъ онъ мародерничать начнетъ и замерзнуть можетъ; однимъ словомъ, останется безъ присмотра и пропадетъ безъ вѣсти.

Весело и съ пѣснями проходили солдаты мимо любимаго ими генерала. По дорогѣ онъ ласково обращался къ людямъ и вступалъ въ разговоръ: вспоминалъ о дѣлахъ, въ которыхъ участвовалъ полкъ, о настоящемъ положеніи солдата, иногда распространялся о совершенно посторонникъ вещахъ, бесѣдовалъ по-простому. Понятно, что подобное отношеніе производило свое дѣйствіе: не старался солдатъ изъ всей мочи тянуться въ струнку, не овладѣвало имъ чувство неопредѣленнаго страха и неловкости, которое въ большинствѣ случаевъ ощущаетъ подчиненный въ присутствіи начальства. Нѣтъ! въ солдатѣ возникало чувство удовольствія отъ ласковаго, радушнаго слова, которое онъ умѣетъ цѣнить. Не стоитъ прибавлять, что къ офицерамъ Скобелевъ относился самымъ гуманнымъ образомъ, просто по-товарищески. Да что говорить! Спросите любаго офицера, который имѣлъ прямыя отношенія къ Скобелеву, конечно, онъ восторженно будетъ отзываться объ этомъ въ высшей степени симпатичномъ человѣкѣ. Своимъ обращеніемъ онъ очаровывалъ окружающихъ. Въ запискахъ къ своему начальнику штаба, подполковнику Куропаткину, генералъ придерживался самаго дружескаго пріятельскаго тона. Въ концѣ, вмѣсто обыденнаго какого-нибудь: примите увѣреніе... или покорнаго слуги, онъ просто писалъ: цѣлую —М. Скобелевъ

Замѣчательна была популярность Скобелева и между болгарами. Массами высыпали они на встрѣчу безъ оффиціальныхъ овацій, но тепло выказывали свое расположеніе ему и его войскамъ.

Помня выраженіе маршала Морица саксонскаго, что сила арміи въ ногахъ, Скобелевъ на этотъ предметъ обращалъ строгое вниманіе: рваныхъ сапоговъ въ дивизіи не было. Всѣ усилія употреблялъ онъ, чтобы доставать новые сапоги и доставалъ. За несмазанные сапоги доставалась гонка и солдату, и ротному командиру. Всѣмъ были выданы теплыя портянки; приказывалось смазывать ноги саломъ или масломъ, чтобы предохранить ихъ отъ замораживанія и натиранія. Совѣтывалъ Скобелевъ обращать вниманіе на чистоту ногъ, какъ на вещь весьма важную. Въ подтвержденіе этого онъ приводилъ разсказъ о французахъ подъ Севастополемъ. Тогда былъ сильный недостатокъ въ дровахъ,

такъ что для варки пищи вырывали корни винограда; однако изъ этого скуднаго запаса французскіе ротные командиры отдѣляли часть на разогрѣваніе воды для мытья ногъ.

Въ Сельвію прибыли 12-го числа и простояли недѣлю. Въ это время Скобелевъ ѣздилъ къ командиру 8-го корпуса въ его Шипкинскую землянку, чтобы получить распоряженія о дальнѣйшемъ слѣдованіи.

Радецкій сообщилъ, что къ отряду Скобелева присоединится нѣсколько дружинъ болгарскаго ополченія и они должны будутъ перевалить Балканы черезъ Иметлійскій проходъ. Отъ Радецкаго Скобелевъ проѣхалъ въ Зеленое древо къ Столѣтову, начальнику болгарскаго ополченія, чтобы, во-первыхъ, переговорить съ нимъ о тѣхъ дружинахъ, которыя назначены на присоединеніе, а во-вторыхъ узнать что-нибудь объ Иметлійскомъ проходѣ, такъ какъ Зеленое древо находится близко отъ него. Столѣтовъ рекомендовалъ разспросить начальника штаба болгарскаго ополченія, графа Келлера, который, какъ офицеръ генеральнаго штаба, дѣлавшій рекогносцировку въ этомъ направленіи, могъ дать указаніе. Хотя Келлеръ и представилъ докладную записку о рекогносцированныхъ имъ путяхъ, но свѣдѣній этихъ было недостаточно. Отсюда Скобелевъ возвратился въ Сельвію. Существенно военно-важнымъ являлся вопросъ объ артиллеріи: перевалить Балканы черезъ проходъ, едва доступный пѣхотѣ, занесенный снѣгомъ и къ тому же такъ мало изслѣдованный, было дѣломъ не легкимъ. Задумались батарейные командиры, когда Скобелевъ предложилъ имъ этотъ вопросъ. Тысячи препятствій тотчасъ родились въ ихъ хозяйственныхъ головахъ. 4 й батареей 16 й артиллерійской бригады командовалъ подполковникъ Куропаткинъ, имя столь извѣстное въ Россіи и дѣйствительно достойно заслужившее свою славу. Это братъ знаменитаго Куропаткина, начальника штаба 16 й дивизіи. Молодой человѣкъ (ему не было еще 30 лѣтъ), доказавшій свою энергію службой въ Туркестанѣ, любящій свое дѣло, онъ откликнулся на призывъ начальника и изъявилъ готовность употребить всѣ силы и средства, чтобы тащить свои четырехфунтовыя пушки за отрядомъ.

19-го двинулись въ Габрово. Изъ артиллеріи пошла одна 4-я батарея 16-й артиллерійской бригады, а прочія батареи

этой бригады остались въ Сельвіи. Заботливый Скобелевъ послалъ пакетъ къ генералу Столѣтову и кромѣ того словесную просьбу сдѣлать распоряженіе о высылкѣ квартирьеровъ въ двѣ деревни, расположенныя за Габровымъ, чтобы приготовить тамъ для насъ квартиры. Наконецъ мы достигли Габрова.

Ключемъ закипѣла жизнь въ нашемъ отрядѣ. Съ лихорадочной дѣятельностью занялись приготовленіями къ предстоящему переходу. Вьючныхъ сѣделъ, заказанныхъ прежде и за которыя даже были даны задатки, не оказалось: ихъ позабирали войска, стоявшія на Шипкѣ.

Изъ Габрова Скобелевъ поѣхалъ опять на Шипку къ Радецкому. Тутъ онъ принялъ 300 паръ сапоговъ отъ интенданта 8-го корпуса. Сапоги эти, собственно, предназначались для 9-го батальона 3-й стрѣлковой бригады, но Скобелевъ бо́льшую часть выпросилъ у командира этого батальона Меллеръ-Закомельскаго для своей дивизіи. О трудностяхъ похода говорили всѣ. Скобелевъ полагалъ, что можетъ быть придется пробиваться сквозь непріятеля: одна часть будетъ проходить въ то время, какъ другая будетъ вести перестрѣлку. Путь нашъ огибалъ съ западной стороны Лысую гору, занятую турками, и пролегалъ въ $1^1/_2$ верстахъ отъ непріятельскихъ позицій. Теперь понятно, какъ велика была бы опасность, если бы турки вышли намъ на перерѣзъ. Это обстоятельство сильно безпокоило Скобелева. До какой степени внимательно былъ придуманъ переходъ, видно изъ письма его къ Куропаткину отъ 21-го декабря. Тутъ и заботы о фуражѣ, патронахъ, распредѣленіе войскъ, цѣлая хорошо выработанная инструкція. Даже замѣчаніе спеціально-артиллерійское: картечныя гранаты боятся сырости.

Наконецъ были посланы въ горы саперы, чтобы вмѣстѣ съ уральцами разрабатывать дорогу въ необыкновенно глубокомъ снѣгѣ. Вся операція перехода черезъ Балканы заключалась въ сущности въ слѣдующемъ.

Хотя Радецкій и занималъ позицію на Шипкѣ, но не владѣлъ совершенно проходомъ, ибо турецкая армія занимала проходъ съ южной стороны и препятствовала дебушированію. Поэтому былъ составленъ планъ, по которому Святополкъ-Мирскій съ значительнымъ отрядомъ долженъ

былъ перейти Балканы лѣвѣе, восточнѣе Шипкинскаго прохода, по тропинкамъ, идущимъ черезъ Крестецъ, Сельцы, Гузово, Яйну, и ударить на правый флангъ турецкаго расположенія у д. Шипки; Скобелевъ съ правой колонной долженъ перейти западнѣе черезъ Топлище, гору Караджу, выйти къ Иметли и атаковать лѣвый флангъ; Радецкій же могъ наступать съ фронта. Такъ какъ онъ имѣлъ возможность атаковать только узкимъ фронтомъ и притомъ сильную турецкую позицію, то его атака, собственно говоря, имѣла демонстративный характеръ, съ цѣлью отвлечь на себя войска и тѣмъ облегчить дѣло фланговыхъ колоннъ. Весь маневръ былъ чрезвычайно сложенъ и требовалъ одновременности дѣйствія; но именно это время и трудно было согласовать, потому что фланговыя колонны были совершенно лишены связи, а сообщенія ихъ съ Радецкимъ были крайне затруднительны.

Такъ какъ колоннѣ князя Святополкъ-Мирскаго приходилось пройти разстояніе въ два раза болѣе, чѣмъ правой колоннѣ, то ему предписывалось наступать самымъ энергичнымъ образомъ; колоннѣ же генералъ-лейтенанта Скобелева—двигаться съ такимъ разсчетомъ, чтобы быть по ту сторону Балканъ не ранѣе вечера 26-го. Изъ этого видимъ, что Скобелева задерживали и разсчитывали, что онъ долженъ придти очень скоро, т. е. не были приняты въ разсчетъ капризы горныхъ дорогъ, которые часто ставятъ въ невозможность выполнить предпріятіе къ извѣстному сроку, ибо тутъ не такъ важно разстояніе, сколько характеръ пути. Составъ отряда былъ слѣдующій: 16-я пѣхотная дивизія. 9-й, 11-й и 12-й стрѣлковые батальоны, двѣ роты 4-го сапернаго батальона, семь дружинъ болгарскаго ополченія генерала Столѣтова, 4-я батарея 16-й артиллерійской бригады (6 орудій), 2-я горная батарея (8-и орудій), 9-й казачій полкъ Нагибина и Уральская казачья сотня Кириллова. Потомъ, при концѣ перехода, были присланы три полка 1-й кавалерійской дивизіи: казачій, драгунскій и уланскій.

Однако батальоны и эскадроны были далеко не въ полномъ составѣ; особенно казачій полкъ Нагибина: въ сотнѣ было около 40 рядовъ на худыхъ, истомленныхъ лошадяхъ.

Первый эшелонъ главныхъ силъ выступилъ утромъ 24-го декабря по дорогѣ на Шипку. Пройдя около 12 верстъ у Чертова моста, повернули вправо по ручью на д. Топлишъ. Дорога шла изгибающейся лощиной, по которой протекалъ ручей. Нѣсколько разъ приходилось его пересѣкать. Впрочемъ, часто можно было по камнямъ переходить, не замочивши ногъ. Погода благопріятствовала: небольшой морозъ, тихо, безвѣтренно. Пройдя отъ поворота верстъ 7—8, войска расквартировались въ трехъ деревняхъ, расположенныхъ по теченію ручья. Самая дальняя называлась Топлищъ. Здѣсь кончалось ущелье и путь поворачивалъ налѣво. Пришли ротные котлы, затрещалъ огонекъ, начали варить горячую пищу. Это была послѣдняя варка во время перехода, потому что далѣе невозможно было везти котлы. Ночью прибылъ транспортъ съ медикаментами, теплою одеждою и съ виномъ, посланный отряду Скобелева изъ Россіи черезъ графиню Адлербергъ. Тутъ былъ хересъ, мадера, коньякъ и цѣлый ящикъ хинной водки. Все это раздѣлили поровну между полками и послали офицерамъ. Досталось по 12 бутылочекъ хинной водки и по 9 бутылочекъ прочихъ винъ на полкъ.

Скобелевъ со штабомъ расположился въ д. Топлищѣ, за которою сразу начинается крутой подъемъ мрачнаго Иметлійскаго прохода, черезъ который даже лѣтомъ только изрѣдка и въ случаѣ крайней нужды отваживается переходить болгаринъ пѣшій или съ небольшимъ вьючнымъ осломъ. Ночь была темная. Въ деревнѣ постепенно собиралось болгарское ополченіе.

Путь лежалъ то довольно значительнымъ лѣсомъ, то мелкимъ кустарникомъ. Глубокій и сыпучій снѣгъ скользилъ изъ-подъ ногъ. Приходилось двигаться гуськомъ, одинъ за другимъ.

Съ горной батареей была чистая бѣда. Орудіе легкое, всего 6 пудовъ, а хлопотъ много. Она шла не на вьюкахъ, а въ запряжкѣ. Тощія лошади, въ поту, понукаемыя голосомъ и ударами, выбивались изъ силъ и все-таки мало подвигались впередъ. Разумѣется, пришлось значительно помогать людьми. Шествіе горной батареи указывало на тѣ трудности, которыя придется перенести Куропаткину съ своими четырехфунтовыми пушками, вѣсящими 20 пудовъ.

Онъ шолъ въ другомъ эшелонѣ. Мнѣ необходимо было обогнать отрядъ и найти Скобелева. Обгонять было очень неудобно: чуть въ сторону, того и гляди, что попадешь въ яму или увязнешь съ лошадью по брюхо. По дорогѣ видѣлъ я, какъ несчастныя лошади, измученныя подъ тяжестью вьюка, скользили и падали.

Скобелевъ рѣшилъ остановиться у такъ-называемыхъ Марковыхъ столбовъ. Переходъ былъ верстъ въ 10, но войска растянулись, дорога была такъ трудна, что къ 6-ти часамъ вечера собрались только Углицкій и Казанскій полки, горная батарея, саперы и подходили стрѣлки. Велѣно было откопать снѣгъ до земли, чтобы развести огни. Принялись за работу, рубили лѣсъ и къ 5—6-ти часамъ, когда уже стало темно, тамъ и сямъ показались огоньки. Солдаты, которые всѣ имѣли котелки, начали варить себѣ, что у кого было. Воду добывали, растапливая снѣгъ. Должно сказать, что вода эта, не смотря на чистоту снѣга, получается препротивнаго вкуса. Къ 7-ми часамъ поляна уже была вся въ огняхъ. На темномъ фонѣ величественно шумѣвшаго лѣса ярко вырѣзывались разгорѣвшіеся костры. Освѣщенныя фигуры солдатъ составляли живописныя группы. Истомленные люди, казалось, забыли о своей усталости и весело разговаривали. Крикъ и шумъ отъ множества человѣческихъ голосовъ и дымъ отъ трещавшихъ костровъ разносились по мрачному лѣсу, разостлавшемуся на скатахъ Балканъ. На коврѣ около костра сидѣли Скобелевъ, Куропаткинъ, Верещагинъ, еще кой-кто и закусывали. Вокругъ все высматривало бодро и весело; только лошади представляли унылый видъ и обгладывали вѣтви деревьевъ. Лошади горной батареи получили немного сѣна.

Скобелевъ послалъ впередъ отрядъ подъ начальствомъ полковника Ласковскаго; авангардъ этотъ состоялъ изъ батальона Казанскаго полка подъ начальствомъ подполковника Завадскаго, двухъ ротъ саперъ и около 20 казаковъ-уральцевъ, съ войсковымъ старшиной Кирилловымъ. Дорогу указывали два болгарина-проводника.

Тихо подвигался этотъ авангардъ впередъ. Около горы Караджи, которая вправо возвышалась совершенно правильнымъ конусомъ, должна была быть высшая точка

нашего подъема. Однако опредѣлить ее довольно трудно, ибо подъемъ иногда смѣнялся спускомъ, а тамъ опять подъемъ. Туровъ мы тутъ не встрѣтили. Дорога пошла по карнизу, огибавшему какую-то гору и погнувшемуся версты на $2^1/_2$. Карнизъ былъ шириною не менѣе 10 саженъ. Справа отъ карниза скала, слѣва—пропасть, да такая, что и размѣры-то ея трудно себѣ представить. Карнизъ имѣлъ наклонъ къ пропасти градусовъ 20. Вчера днемъ было тепло и снѣгъ на солнцѣ подтаялъ, а ночью его сковало морозомъ въ плотную корочку, которая не продавливалась подъ ногою и представляла скользкую поверхность. Двигаться по ней было очень трудно. Кирилловъ, напримѣръ, ползъ на карачкахъ.

Долго и безостановочно шли мы впередъ. Спускъ началъ становиться круче и къ разсвѣту, часовъ въ 7, мы подошли къ обрыву, правда не очень длинному, саженъ сто, но ужасно крутому. Право, безошибочно можно сказать, что крутизна была больше 45-ти градусовъ. Идти какимъ-нибудь обыкновеннымъ способомъ не было ни малѣйшей возможности. Надобно съѣзжать на природныхъ салазкахъ.

Полагали, что при концѣ этого крутаго спуска находится д. Иметли. Вызвали охотниковъ, чтобы они спустились по обрыву и развѣдали у деревни.

Охотники пошли, а отрядецъ остановился и ждалъ. Ждали мы часа полтора. Уже разсвѣло, а никакой Иметли впереди не было видно. Рѣшили идти впередъ. Цѣпляясь за кусты, удерживаясь чѣмъ только возможно, ползли мы по этому спуску.

Небольшой просвѣтъ между горъ и скалъ далъ намъ возможность увидѣть часть долины рѣки Тунджи. Въ это время ничего еще нельзя было разглядѣть; но довольно уже и того, что мы увидѣли конецъ нашего труднаго перехода; въ насъ родилась надежда скоро достигнуть цѣли. Но что значатъ подобныя надежды въ горахъ. Дорога повернула немного въ сторону и опять все скрылось за громадой горъ.

Между Шейновымъ и Шипкой авангардъ разсмотрѣлъ турецкій укрѣпленный лагерь.

Невообразимая суматоха поднялась въ передовыхъ турецкихъ постахъ. Всадники, которые казались не больше

насѣкомыхъ, какъ угорѣлые, метались въ разныя стороны. Два орудія маршъ-маршемъ понеслись на встрѣчу; подскакали, повернули кругомъ и тѣмъ же маршъ-маршемъ понеслись обратно.

Дорога пошла по косогору. Справа возвышались обрывистые скаты Балканъ, слѣва тоже кручь, которая вела въ оврагъ, наполненный большими камнями, а оврагъ впадалъ въ долину Тунджи. У подошвы горъ лежитъ Иметли.

Раздались первые ружейные выстрѣлы, которые становились все чаще и чаще. Турки слѣва по оврагу заходили намъ во флангъ, а справа взбирались на утесы и хотя не могли по крутизнѣ этихъ скалъ спуститься на дорогу, однако ничто имъ не препятствовало поражать насъ въ тылъ, особенно людей, выдвинувшихся впередъ.

Засвистали пули по дорогѣ. Начиналось серьёзное дѣло. Отъ турокъ, зашедшихъ справа, у насъ еще были кой-какія закрытія изъ камней; спереди, шедшіе на насъ по дорогѣ, тоже безпокоили не особенно сильно: отъ нихъ можно было заслониться камнями, лежавшими по дорогѣ; но слѣва была уже настоящая жарня. Турки влѣзли на скалы и камни, какъ бы рукою гиганта брошенные на дно оврага, и стрѣляли оттуда безпрепятственно. Дорожка наша была видна имъ, какъ на ладони,—закрытій никакихъ, а они прятались за камни, выставляли только ружья и могли стрѣлять весьма мѣтко, потому что дистанція была саженъ 100—150. Трещали ружейные выстрѣлы, пули шлепались въ камни, отбивали осколки и нѣкоторые солдаты были ранены даже этими осколками. Раненыхъ все больше и больше. Стонъ и крикъ кругомъ. Кто раненъ въ руку, кто въ ногу; у иного выбитъ глазъ; на снѣгу кровь. Мы отвѣчали рѣдко. Патроны берегли больше жизни. Кто знаетъ, сколько времени продолжится бой? Стрѣляли только на вѣрняка или тогда, когда турки, наступавшіе по дорогѣ, подходили слишкомъ близко и необходимо было дать имъ отпоръ. Бой продолжался такимъ образомъ уже довольно долго. Спрятаться отъ пуль положительно некуда, ибо онѣ отскакивали рикошетомъ отъ камней и падали въ такомъ направленіи, въ какомъ мы вовсе не ожидали. Убыль увеличивалась, составъ роты уменьшался, а турокъ все прибывало. Становилось страшно

за эту ничтожную роту, которая казалась обреченною на смерть. Солдаты падали духомъ, видя свою слабость сравнительно съ превосходнымъ непріятелемъ.

„Теряя жертву за жертвой“, говоритъ Имшенецкій, „мы держались съ разсвѣта до часа дня, а помощи нѣтъ, какъ нѣтъ. Меня позвалъ Ласковскій и приказалъ идти назадъ, чтобы дать знать о положеніи дѣлъ и поторопить остальныя роты нашего батальона, которыя мы оставили для разчистки дороги. Надобно сказать, что за тѣмъ оврагомъ, изъ котораго насъ обстрѣливали турки, лежалъ еще оврагъ, тоже впадавшій въ долину Тунджи; верховье его выходило на дорожку версты на двѣ сзади насъ. Когда я отправился, чтобы исполнить приказаніе Ласковскаго, то замѣтилъ (это замѣтили и другіе), что къ устью втораго оврага подъѣхали черкесы, спѣшились и стали подниматься. Очевидно, они хотѣли выдти намъ въ тылъ. Мы тогда оказались бы окружонными со всѣхъ сторонъ и неминуемо погибли. Я тотчасъ доложилъ объ этомъ Ласковскому. Онъ написалъ записку, далъ мнѣ въ конвой двухъ казаковъ и приказалъ передать записку Скобелеву; первое же приказаніе исполнить само собою. Тяжолое впечатлѣніе производилъ путь, по которому мнѣ пришлось пройти. Раненые, съ блѣдными лицами и съ безнадежнымъ выраженіемъ лица, отползали въ сторону; стоны ихъ смѣшивались съ свистомъ и ударами пуль. Состояніе духа скверное. Что-то будетъ? Если меня убьютъ, казакъ отнесетъ записку. Но что толку въ запискѣ? Вотъ уже 2 часа пополудни, а на помощь нѣтъ и намека. Конечно, черкесы успѣютъ выдти на дорогу, уничтожатъ нашу роту, настроятъ ложементовъ, не пустятъ Скобелева и пропадетъ наше дѣло, для котораго понесено столько трудовъ. Да, положеніе! Я не въ состояніи передать ту кучу мыслей, которая толпилась у меня въ головѣ. Одинъ рой смѣнялся другимъ. Но каково благополучіе! Помощь уже шла. Казанцы, разчищавшіе дорогу, подходили; части Углицкаго полка тоже. Ударили на черкесовъ, которые уже готовы были выдти на дорогу. Разумѣется, врагъ былъ тотчасъ прогнанъ. Ну! отлегло отъ сердца. Конечно, обстоятельства отъ этого улучшились немного: рота все-таки оставалась окружонною съ трехъ сторонъ; но ясно, что уже дѣло проиграно быть не можетъ.

У того крутаго обрыва, съ котораго, какъ помнитъ читатель, мы спускались первобытнымъ способомъ, я нашолъ командира Углицкаго полка, полковника Панютина, которому и началъ передавать положеніе дѣлъ. Подъѣхалъ Скобелевъ; я передалъ ему записку Ласковскаго. Онъ немедленно поѣхалъ на мѣсто дѣйствія. Всѣ шли пѣшкомъ; онъ одинъ ѣхалъ верхомъ. Пѣшіе падали, поражаемые пулями; счастливаго всадника хранитъ провидѣніе.

На высоты праваго фланга Скобелевъ послалъ съ отрядомъ взвода въ полтора своего ординарца, лихаго казака хорунжаго Дукмасова. Этотъ безъ выстрѣла двинулся на турокъ. Подъ страшнымъ огнемъ подошолъ онъ на близкое разстояніе и открылъ огонь залпами. Дрогнули турки и побѣжали. Погналъ ихъ Дукмасовъ и гналъ до дорожки. Находившіеся на дорогѣ турки, увидя на флангѣ Дукмасова, очистили фронтъ и отступили къ д. Иметли. Какъ это часто бываетъ при удачныхъ дѣлахъ и энергическихъ наступленіяхъ, у Дукмасова потерь почти не было. Дѣло было кончено часа въ четыре.

Скобелевъ засвѣтло самъ распорядился разстановкой аванпостовъ, приказалъ на окружающихъ высотахъ во множествѣ развести костры, чтобы привести турокъ въ заблужденіе относительно силы нашего отряда. Когда вполнѣ собрались Углицкій и Казанскій полки, то Скобелевъ приказалъ имъ, подъ общимъ начальствомъ полковника Панютина, двинуться къ д. Иметли и занять ее. Впереди шолъ Казанскій, сзади Углицкій полки; не вдалекѣ слѣдовалъ самъ Скобелевъ. Наступила темнота. Въ грозномъ молчаніи, среди мрака, двигались полки. Что тамъ? Какъ встрѣтятъ ихъ турки? Спустя нѣсколько времени, Панютинъ донесъ, что окраина деревни нами ужѣ занята, крайніе дома осмотрѣны, турокъ не оказалось, вѣроятно вся деревня очищена; около каменныхъ заборовъ солдаты настроили ложементы, особенно къ сторонѣ Шейнова.

Скобелевъ подтвердилъ, чтобы колонны шли въ порядкѣ, не разбредаясь по сторонамъ, и были внимательны, какъ бы не нарваться на засаду. Осмотрѣли деревню. Она была очищена турками и теперь находилась въ нашихъ рукахъ. Успѣхъ увѣнчалъ труды нынѣшняго дня. Поздно Скобе-

левъ вернулся изъ д. Иметли. Онъ расположился около костра, гдѣ денщикъ началъ кой-что приготовлять.

Къ разсвѣту успѣли спуститься горная батарея, стрѣлки и болгарское ополченіе.

27-го декабря, когда разсвѣло, Углицкій и Казанскій полки двинулись занимать долину.

Незначительныя турецкія цѣпи, занимавшія въ разныхъ мѣстахъ канавы, были опрокинуты. Наша горная батарея расположилась на скатѣ и дала нѣсколько выстрѣловъ, какъ я думаю, съ той цѣлью, чтобы показать туркамъ, что и у насъ есть артиллерія".

Скобелевъ чрезвычайно хлопоталъ о кавалеріи. Онъ послалъ Имшенецкаго за № 9 донскимъ казачьимъ полкомъ Нагибина. Часамъ къ 10-ти полкъ спустился, а къ 11-ти колонна казаковъ стояла противъ турецкой кавалеріи.

Противники выслали отъ себя цѣпи наѣздниковъ, которыя то надвигались другъ на друга, то отходили назадъ. Началась джигитовка. Съ горы все это было отлично видно. Выскочатъ двое задорныхъ, пострѣляютъ и назадъ. Ни одна цѣпь не тѣснила другой, хотя турецкая болѣе чѣмъ въ два раза превосходила нашу. Ограничивались огнемъ съ коня. Хотя столкновенія не произошло, но и отъ огня казаки понесли значительный уронъ. На перевязочномъ пунктѣ ихъ было достаточно. Турки тоже не обошлись безъ потерь.

Далеко съ востока слышны были выстрѣлы и крики.

— Это Святополкъ-Мирскій, говорилъ Скобелевъ. Какая досада, что мы ничего не можемъ предпринять!

Съ самаго утра войска, стоявшія на бивуакѣ, спускались въ долину и овладѣвали ею.

Горная батарея тоже спустилась. Къ вечеру большая часть отряда была въ долинѣ, только батарея Куропаткина, Суздальскій полкъ, уланы, да еще кой-кто изъ пѣхоты, занимавшіе позицію противъ Лысой горы, остались въ горахъ.

Атаковать сегодня, 27-го декабря, несмотря на все желаніе, не было возможности. Наступила темнота, а ночная атака вещь чрезвычайно рискованная; позиція, занятая нами въ теченіе дня, не была еще укрѣплена, а потому мы не имѣли никакой точки опоры; наконецъ Радецкій

самъ разрѣшилъ Скобелеву атаковать, когда соберется весь отрядъ. Вотъ вслѣдствіе этихъ причинъ атака и была отложена до завтра, а тѣмъ временемъ приступили къ укрѣпленію позиціи у деревни Иметли.

Опять въ громадномъ количествѣ разложили костры. Грянули два хора полковой музыки. Турки озлились и начали пускать гранаты. За вечерней зарей и мы отвѣтили имъ залпомъ, пущеннымъ въ Шейново. Картина была великолѣпная.

Желая дать людямъ отдохнуть, Скобелевъ приказалъ нѣкоторымъ частямъ отойти къ Иметли и стать по квартирамъ. Костры цѣлую ночь поддерживали казачьи разъѣзды. У деревни генералъ встрѣчалъ солдатъ воодушевляющимъ словомъ, наставлялъ ихъ, какъ дѣйствовать, если бы турки атаковали ночью.

Въ деревнѣ было изобиліе: огромное количество фуража дало возможность подкрѣпить силы нашимъ лошадямъ, которыя сильно отощали во время перехода; люди нашли запасы разнаго варенья и сушенья изъ фруктовъ.

Какъ въ природѣ все затихаетъ передъ бурей, такъ все успокоилось въ Иметли передъ ожидавшейся на слѣдующій день грозой. Войска, утомленныя дневными трудами, заснули глубокимъ сномъ. Только въ одномъ турецкомъ домѣ, среди поздней ночи, не спали два человѣка. Съ серьёзными лицами они обдумывали важное дѣло завтрашняго дня и писали диспозицію. Это былъ Скобелевъ и его новый начальникъ штаба графъ Келлеръ. Диспозиція писалась при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Едва достали чернилъ,—писарей не добиться.

Вотъ отрывокъ изъ диспозиціи для боя, отданной Скобелевымъ въ $6\frac{1}{2}$ часовъ утра 28-го декабря.

„Общая цѣль боя—шейновскій укрѣпленный лагерь".

Наступленіе уступами съ праваго фланга.

Я буду находиться въ началѣ боя при передовомъ отрядѣ, въ послѣдствіи при общемъ резервѣ. Перевязочный пунктъ назначается въ деревнѣ Иметли.

Пункты расположенія частей пѣхоты будутъ указаны начальникомъ штаба, графомъ Келлеромъ, на мѣстѣ.

Дружина болгарскаго ополченія и рота саперовъ обороняетъ деревню Иметли со стороны Калофера.—Подписалъ генералъ-лейтенантъ Скобелевъ".

Атаковать Шейново онъ взялъ на свой страхъ, а приказано было Радецкимъ атаковать Шипку, куда направился и Мирскій. Это приказаніе имѣло за себя только то обстоятельство, что атакуя Шейново, мы поставляли свой лѣвый флангъ подъ ударъ гарнизона Шипки. Когда Скобелевъ спустился съ горъ и сталъ лицо къ лицу съ шейновскимъ укрѣпленнымъ лагеремъ, то могъ гораздо вѣрнѣе оцѣнить положеніе дѣлъ, чѣмъ то можно было сдѣлать съ горъ. Если идти на Шипку, то армія стала бы между двухъ огней: между войсками, находившимися на горахъ, и гарнизономъ Шейнова; атакуя шейновскій укрѣпленный лагерь, Скобелевъ билъ въ стратегическій ключъ непріятеля, а потому и достигъ такого полнаго пораженія; а главное обстоятельство, обходя лѣвый флангъ непріятеля, онъ могъ подать руку Святополкъ-Мирскому; да и кромѣ того, приказаніе Радецкаго атаковать Шипку надо понимать широко. Это приказаніе не исключаетъ атаку Шейнова, какъ начало атаки всей позиціи, ибо Шейново лежитъ ближе къ Иметли.

28-го декабря, около 9-ти часовъ утра, начался бой, славный своими результатами.

Отличные землекопы, турки, за ночь хорошо укрѣпили свою позицію около деревни Шейново. Профили были усилены, укрѣпленія снабжены дальнобойной артиллеріей.

Первой заботой Скобелева было войти въ связь съ колонной Святополкъ-Мирскаго, наступавшей съ востока. Для этого, а также, чтобы отрѣзать туркамъ путь отступленія на Малыя Балканы, была двинута въ обходъ лѣваго турецкаго фланга вся кавалерія, успѣвшая спуститься съ горъ. Несмотря на это, большая партія черкесовъ прорвалась и ушла. При Скобелевѣ осталось нѣсколько сотенъ 1-го и 9-го казачьихъ полковъ. Онъ выбралъ мѣсто, откуда очень удобно могъ распоряжаться боемъ. Еще первый разъ за всю кампанію, онъ во время битвы находился внѣ линіи самаго жаркаго огня. Однако турецкія гранаты, привлеченныя кучкой всадниковъ, столпившихся около генерала, ложились весьма близко. Вдругъ что-то тяжелое грохнулось передъ самой его лошадью. Скобелевъ скрылся въ дыму и поднявшейся землѣ. „Погибъ“ пронеслось въ головѣ каждаго. Жжж... и осколки полетѣли черезъ

Очевидно, турки надѣялись отступить. Множество повозокъ, запряженныхъ быками и наполненныхъ офицерскимъ имуществомъ, стояло по дорогѣ. Возлѣ нихъ валялись убитые возницы. Раненыя лошади и вьючныя животныя хрипятъ и глубоко вздыхаютъ въ предсмертныхъ мукахъ. Какая масса смертей!

А побѣдитель ликовалъ! Въ самомъ дѣлѣ совершено громадное дѣло. Трудное предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ, превзошедшимъ ожиданія. Добыча громадная! Сдались 41 таборъ (около 32.000), взято 93 орудія разныхъ калибровъ и системъ и 6 знаменъ. Лошадей вьючныхъ и верховыхъ были цѣлые загоны. Ружей валялось такое множество, что, проѣзжая по полю, можно опасаться, какъ-бы лошадь не поколѣчила себѣ ногъ. Ящиками съ патронами превосходной англійской выдѣлки былъ наполненъ цѣлый ровъ и, кромѣ того, еще громадныя кучи этихъ ящиковъ возвышались въ разныхъ мѣстахъ. Патроны всюду валялись въ грязи. Галетъ роздано было всѣмъ людямъ на нѣсколько дней; просто, кто сколько могъ унести. Лошади наѣлись турецкимъ овсомъ и ячменемъ вволю. Большое количество фуража и всякаго добра навалено на карупы, запряженныя турецкими же быками и буйволами. Изъ такихъ карупъ при каждой отдѣльной части составился цѣлый обозъ. Рогатаго скота захвачено столько, что потомъ каждая часть гнала передъ собой свое особое стадо.

Захватили въ Шейновѣ госпиталь краснаго полумѣсяца. Онъ помѣщался въ хорошемъ домикѣ и состоялъ изъ семи врачей: англичанинъ, пруссакъ, два швейцарца изъ Женевы и греки. Они разсказывали, что турки никакъ не ожидали атаки съ западной стороны и считали невозможнымъ, чтобы значительная армія могла пройти черезъ Иметлійскій проходъ. Поэтому все ихъ вниманіе было обращено на востокъ къ Святополкъ-Мирскому и на сѣверъ къ Радецкому. Что касается отряда Скобелева, то они приняли его за демонстрацію и только въ ночь передъ боемъ, увидя такое количество костровъ, начали укрѣплять свою позицію съ этой стороны.

Если припомнить и прослѣдить всѣ обстоятельства перехода Скобелева чрезъ Балканы, то приходишь къ убѣжденію, что было сдѣлано всевозможное, понесены не-

вѣроятныя трудности, что больше того, что̀ сдѣлалъ Скобелевъ, врядъ ли можно было сдѣлать; даже и то, что̀ онъ сдѣлалъ, кажется подвигомъ громаднымъ, почти невѣроятнымъ; шутка ли: отрядъ его прошолъ зимой, по краямъ скольскихъ обрывовъ Балканскихъ горъ, подъ страшнымъ турецкимъ огнемъ...; взята въ плѣнъ вся шипкинская армія Сулеймана-паши, а убыль въ скобелевскомъ отрядѣ всего 1500 человѣкъ!

Но Скобелевъ недолго останавливается: слѣдующіе дни онъ уже подъ Семенли-Тырново, подъ Хаскіойемъ и въ Адріанополѣ. Адріанополь былъ занятъ Скобелевымъ безъ выстрѣла, хотя турки и приготовили вокругъ города 72 укрѣпленныя позиціи. Затѣмъ онъ готовъ былъ кинуться на Галлиполи, но тутъ Скобелева и всю русскую армію останавливаютъ.

Занятіе Зеленой горы.

(Бои 30, 31 октября и 1 ноября).

Въ битвахъ Скобелевъ былъ всегда впереди и своимъ примѣромъ воодушевлялъ войска. Вотъ что говоритъ о немъ Немировичъ-Данченко:

Скобелевъ вообще для меня составлялъ загадку. Неужели въ этой желѣзной груди нѣтъ мѣста страху, опасеніямъ и тоскѣ, охватывающимъ каждаго передъ боемъ? Я обратился къ нему съ прямымъ вопросомъ.

— Жутко, разумѣется. Не вѣрьте, кто скажетъ вамъ иначе.... отвѣчалъ онъ.

— Знаете, продолжалъ онъ потомъ, припоминая разговоръ за обѣдомъ съ англійскимъ полковникомъ Гавелокомъ:—теперь не время разсуждать, критиковать, отчаяваться... Вы говорите—талантливымъ людямъ беречь себя слѣдуетъ... Умирать надо—и мы умремъ съ радостью, лишь бы не срамили Россіи, лишь бы высоко держали ея знамя! Хорошо умереть за свою родину... Нѣтъ смерти лучше этой.

Прямо передъ нами взводъ охотниковъ съ поручикомъ Тарасенко. Эти вызвались первыми броситься въ турецкіе шанцы и при поддержкѣ стрѣлковой цѣпи переколоть непріятеля. Всматриваюсь въ лица охотниковъ, этихъ завѣдомо отчаянныхъ людей, и ничего нѣтъ въ нихъ суроваго, грознаго, воинственнаго. Простыя сѣрыя солдатскія лица, нѣкоторыя съ наивной улыбкой, всѣ довѣрчивыя... Охотники вытянулись, провожаютъ глазами генерала. Одинъ старается особенно, а на смерть идетъ... Видимо хочется ему, чтобы на выправку его вниманіе обратили. Скобелевъ гладитъ его по лицу, чему солдатикъ вполнѣ доволенъ. Генералъ проѣзжаетъ по рядамъ, разговариваетъ съ ротами, именно не рѣчи произноситъ, не ораторствуетъ, а разговариваетъ.

— Ну что, братцы... Какъ пойдемъ сегодня?...

— Постараемся, ваше превосходительство.

— Не осрамитесь?...

— Зачѣмъ же... Мы рады, ваше превосходительство...

— Помните, братцы, одно—не зарываться. Мы не Плевну брать идемъ, а только выбить турокъ изъ ихъ траншеи и занять ее... Поняли... Слѣдовательно, дорветесь вы до траншеи и садитесь туда...

— Постараемся....

— Ну то-то... Помните, что тутъ не въ храбрости, а въ послушаніи дѣло. Сказалъ тебѣ начальникъ: „стой"— такъ хоть и желалось бы погнать непріятеля дальше—ни съ мѣста... А турокъ бояться нечего...

— Мы ихъ не боимся.

— Ну то-то... Помните Ловецъ, какъ мы ихъ били.

— Помнимъ, ваше пре-ство! бодро звучитъ изъ рядовъ.

— Помните какъ погнали ихъ, а?...

— Они отъ насъ тогда всей ордой побѣжали, отзывается улыбающійся солдатъ.

— Ты былъ тогда со мною... Изъ старыхъ должно быть?

— Я съ вашимъ превосходительствомъ и редуты эти самые подъ Плевною бралъ...—

Тотъ только тяжело вздохнулъ въ отвѣтъ.

— Ну вотъ, братцы, видите. Дѣло не трудное. Разъ уже мы эту Зеленую гору брали... Наша была....

— И опять будетъ, ваше превосходительство.

Бесѣда, похожая на эту, повторялась въ каждомъ батальонѣ. Скобелевъ узнавалъ своихъ старыхъ боевыхъ товарищей, припоминалъ съ ними прежнія атаки, просилъ солдатъ не забывать, что сегодняшнее дѣло не нападеніе на Плевну, а только занятіе ближайшихъ турецкихъ позицій... Къ намъ подъѣхалъ бригадный командиръ Гренквистъ, американскій полковникъ Рисъ—изобрѣтатель какого-то особенно ужь звѣрскаго штыка, который онъ явился предложить намъ, англичанинъ Гавелокъ въ своей оригинальной бѣлой гуттаперчевой шляпѣ, симпатичный корреспондентъ Макъ-Гаханъ, уже оправившійся послѣ недавней болѣзни, и художникъ Миллетъ. Гавелокъ все хвалилъ нашихъ солдатъ и изумлялся, отчего на нихъ не похожи русскіе генералы. „Тогда бы у васъ была первая въ мірѣ армія", безпрестанно повторялъ онъ.

— Знаете, я ужасно боюсь за молодыхъ солдатъ, обращается къ своимъ Скобелевъ.—Очень рискованное дѣло... Ночное, въ туманѣ. Тутъ и старому, если онъ не привыкъ, можно растеряться. Я не останусь, какъ хотѣлъ въ резервѣ, а самъ поведу ихъ... Ахъ, если бы здѣсь были туркестанскія войска!... Помните Андижанъ, Махрамъ? спросилъ онъ у Куропаткина.

Старые боевые товарищи только переглянулись молча, но видно было по лицамъ, что при однихъ названіяхъ этихъ мѣстъ цѣлый рой воспоминаній возникъ у нихъ обоихъ.... „Помните, какъ при началѣ кампаніи думали у насъ о туркестанцахъ. Про меня говорили, что мнѣ и батальона поручить нельзя. На офицеровъ нашихъ свысока смотрѣли, а они первыми легли здѣсь. Гдѣ всѣ эти Калитины, Федоровы, Поликарповы, Поповы? Кто въ Эски-Загрѣ, кто въ Балканахъ зарытъ...

— А все-таки хорошее время было!

До войны слово ташкентецъ было почти браннымъ, а при повѣркѣ здѣсь оказалось, что ташкенцы именно лучшіе люди. Они создали болгарское ополченіе и сплотили его; изъ нихъ—лучшіе командиры частей, лучшіе начальники штабовъ, лучшіе боевые офицеры.

Скобелевъ останавливается передъ полками, снимаетъ фуражку и крестится... Точно шелестъ пронесся въ воздухѣ—крестятся офицеры и солдаты. Каждый читаетъ про

себя молитву... каждый уходитъ въ самого себя... кто знаетъ, можетъ быть нѣкоторымъ не останется даже мгновенія, чтобы падая обратить взглядъ свой къ этому сѣрому небу, по которому теперь тяжело ползутъ низко нависшія тучи... Даже иностранцы поддаются торжественности этой минуты. Снимаютъ шапки вмѣстѣ съ другими... Въ памяти почему-то неотступно встаютъ картины далекаго теперь прошлаго. Родной домъ, близкіе и дорогіе люди... Но это только минута.

— Стройся!.. тихо звучитъ команда и длинная цѣпь стрѣлковъ вѣеромъ разбрасывается впереди... На лицахъ уже нѣтъ ни грусти, ни раздумья. Въ глазахъ у нѣкоторыхъ офицеровъ энтузіазмъ, команда звучитъ металлическими тонами, Скобелевъ уже впереди, красивая фигура его мелькаетъ далеко передъ цѣпью...

Цѣпь тихо двинулась впередъ. Фигура генерала все больше и больше уходила въ туманъ... Скоро мгла окутала и черныя черточки разсыпанныхъ стрѣлковъ. Стало смеркаться, но ночь еще боролась съ сѣрымъ заревомъ...

— Слава Богу! турки не замѣчаютъ нашего отряда... Я начинаю вѣрить, что дѣло обойдется безъ большихъ потерь, шепчетъ кто-то около... Но какъ-разъ въ эту минуту будитъ окрестность неувѣренный, одиночный выстрѣлъ турецкаго часоваго. Мгновеніе полнаго безмолвія... Сердце щемитъ... Другой выстрѣлъ—съ другой стороны... Наши не отвѣчаютъ... По звуку выстрѣловъ, по интерваламъ, по одиночности ихъ, видимо, что турки еще не знаютъ въ чемъ дѣло, а только насторожились, почуяли что-то такое... Точно люди стрѣляютъ не сгоряча, не желая предупредить противника огнемъ, а прислушиваясь и еще не отдавая себѣ отчета, куда и зачѣмъ они посылаютъ свои молніи...

— Наши подошли, должно-быть, уже близко.

— Не видать... Впереди сѣрый неясный туманъ...

— О, Господи! раздается чей-то вздохъ позади.

Выстрѣлы все еще въ перемежку.

— Ребята, за мной!.. съ одного конца до другаго звучитъ гдѣ-то въ туманѣ громкій голосъ, покрываемый общимъ ура атаки, оглушающимъ грохотъ словно разомъ вспыхнувшихъ залповъ непріятеля и раскатомъ бараба-

новъ... Мы ничего не видимъ, но первые выстрѣлы уже обдали резервы горячимъ градомъ пуль.

Стрѣлковая цѣпь сдѣлала свое дѣло. Она выбила турецкіе аванпосты изъ нѣсколькихъ ложементовъ, которые едва можно было различать въ густомъ туманѣ и сумракѣ осенней ночи.

Между тѣмъ нашъ артиллерійскій огонь тоже сдѣлалъ свое дѣло. Съ батарей праваго и лѣваго фланговъ у Брестовица, съ радишевскихъ и тученицкихъ, съ Тырнина и Медвена громились турецкія позиціи. Казалось, что въ эту сѣрую ночь—въ ея сумракѣ и туманѣ цѣлый адъ открылъ свои огнедышащія жерла.

Шумная лавина враговъ низвергается внизъ, слышенъ только трескъ отъ ломающейся соломы на кукурузныхъ поляхъ, да топотъ нѣсколькихъ тысячъ ногъ...

Гдѣ же все это время былъ Скобелевъ?—Тамъ же, гдѣ и всегда. Сначала съ охотниками, а потомъ въ траншеѣ, лично командуя ея обороной. Во время самыхъ жестокихъ атакъ непріятеля, молодой генералъ вскочилъ на брустверъ и, весь въ пороховомъ дыму, въ перебѣгающемъ огнѣ выстрѣловъ, ободрялъ солдатъ. Въ минуту сравнительной тишины онъ проходилъ за траншеей, бесѣдовалъ съ владимірцами, слѣдилъ за тѣмъ, какъ росла грозная профиль бруствера, посѣщалъ резервы... Въ одинъ изъ такихъ обходовъ, замѣтивъ, что въ центрѣ новыхъ траншей у Нечаева люди стоятъ слишкомъ жидко, лично распорядился послать ему еще роту. Пройдя направо, онъ обращается къ солдатамъ:

— Смотрите, братцы,... сейчасъ опять станетъ наступать непріятель. Я буду на лѣвомъ флангѣ. У меня стоятъ молодцами. Умирать на своемъ мѣстѣ, но не уступать позиціи. Слышите!...

— Слышимъ, ваше пр-во... Не безпокойтесь... Мы съ Маневскимъ! раздаются въ отвѣтъ голоса солдатъ.

Скобелевъ жметъ руку Маневскому и идетъ дальше...

Въ это-то самое время наступилъ сравнительно моментъ тишины. Начальство, пользуясь имъ, скачетъ въ Брестовацъ, чтобы послать оттуда донесеніе въ главную квартиру главнокомандующему и въ Тученицу—Тотлебену. Не успѣли еще написать двухъ словъ, какъ на Зеленыхъ горахъ

опять разгорѣлась перестрѣлка. Вскочивъ на перваго коня, Скобелевъ и Куропаткинъ перегоняютъ своихъ ординарцевъ, мчатся назадъ, боясь за судьбу новой позиціи. Весь путь осыпаютъ пули. Ночью турки стрѣляютъ и въ Брестовацъ и въ лощины за Зелеными горами. Пули ложатся налѣво и направо, шрапнели рвутся въ высотѣ, но спустя нѣсколько минутъ они цѣлыми и невредимыми домчались до подъема на занятый сегодня кряжъ.

Только что начальство стало взбираться на скатъ Зеленой горы, какъ на встрѣчу бѣжитъ разстроенная масса.

— Здорово, молодцы! крикнулъ имъ на встрѣчу Скобелевъ.

Солдаты совершенно инстинктивно стали фронтомъ въ ряды...

— Вы это что?... Бѣжать!... Стройся!... За мною, маршъ!...

И генералъ, приказавъ Куропаткину предупредить въ траншеѣ, что онъ сейчасъ будетъ, самъ повелъ роту опять на работу. Подъ огнемъ, какъ ротный командиръ, генералъ довелъ солдатъ, разставилъ ихъ, приказалъ унтеръ-офицерамъ впереди слѣдить за работой и тогда уже отправился въ передовыя траншеи.

Сѣро и туманно было утро послѣ этой памятной ночи, въ которую защитники только-что взятыхъ позицій не знали отдыха. Кончился бой—опять за лопаты. Для „начальниковъ“ въ центрѣ траншеи было убито небольшое пространство земли, въ нарочно прорытой ямкѣ. Сюда положили соломы и здѣсь именно, завернувшись въ бурки, отдыхали Скобелевъ, Куропаткинъ и Мельницкій, все время раздѣлявшіе съ солдатами нетолько опасности боя, но еще болѣе безпокойныя внѣшнія неудобства жизни въ траншеѣ осенью...

Чѣмъ ближе подходилъ вечеръ, тѣмъ всѣ становились безпокойнѣе. Офицеры постоянно выходили на брустверъ, всматривались въ сумерки, уже сдвигавшія вдаль въ одну непроглядную мглистую полосу. Часовымъ было велѣно глазъ не спускать съ пространства передъ траншеей. Унтеръ-офицерамъ приказано не спать и постоянно провѣрять часовыхъ. Одинъ изъ нихъ даже разсмѣшилъ насъ:

— Стой на часахъ какъ пѣтухъ! внушалъ онъ молодому солдату.

— Это почему же, какъ пѣтухъ? спрашиваетъ его кто-то.

— Потому, что пѣтухъ строго стоитъ, сторожитъ...

Скобелевъ нѣсколько разъ обошолъ траншею, внушая часовымъ отнюдь не поднимать фальшивой тревоги.

— Отнюдь не стрѣлять. Лучше скажи... Подходятъ турки—только приготовьтесь. Чѣмъ они ближе, тѣмъ лучше. Дула держите ниже, чтобы по командѣ не бить воронъ черезъ голову, а прямо въ непріятеля попадать. Безъ команды отнюдь не смѣй курка спустить никто. Вскочатъ турки на брустверъ—тутъ-то и праздникъ, прямо на штыки ихъ принимай... Не первый разъ намъ ихъ бить, ребята!.. Ну, какъ ты станешь цѣлить, если турки наступать начнутъ? обращается онъ къ часовому.

Темнѣе и темнѣе становилось... тише—турецкая стрѣльба. Точно и имъ надоѣло... До меня доносится бредъ офицеровъ... Видно и у нихъ расходились нервы послѣ всѣхъ пережитыхъ ощущеній... „Стойко держись“... шепчетъ кто-то... и опять тишина, точно въ этой траншеѣ стоялъ я одинъ въ царствѣ мертвыхъ. Потухли и костры, не шелехнется и сухой листъ на деревѣ... Только часовые все пристальнѣе и пристальнѣе вглядываются въ темную даль... Чу! что-то словно шарахнулось за брустверомъ—и замерло опять... Нѣтъ, вотъ опять шорохъ... положительно слышны чьи-то крадущіеся шаги... Часовой встрепенулся и пониже, по направленію шороха передвинулъ дуло ружья... Прислушиваешься съ бьющимся сердцемъ, широко раскрытые глаза пристально всматриваются въ туманъ и тьму...

— Не стрѣляй... доносится шопотъ изъ-за бруствера... свой... изъ секрета.

— Чего тамъ?...

— Не стрѣляй... разбуди генерала... Турки выходятъ изъ своей траншеи, строются...

— Къ ружью! грянуло позади.

Оборачиваюсь—Скобелевъ уже у бруствера.

— Къ ружью, ребята!.. На брустверъ... Снять секреты!..

Генералъ сквозь сонъ разслушалъ шопотъ, проснулся во-время подхвативъ послѣднюю фразу солдата, передававшаго свѣдѣніе о движеніи турокъ.

— Я зналъ, что сегодня будетъ атака, шепчетъ Скобелевъ.—Смотрите же, братцы, молодцами стоять! Выдерживай его на близкомъ разстояніи, стрѣляй по командѣ. Господа офицеры—къ своимъ частямъ...

— Сунется врать на брустверъ, въ штыки принимай!.. Ну какъ ты его встрѣтишь? обращается онъ къ новичку.

— А вотъ! и тотъ показалъ снизу вверхъ штыкомъ.

— Молодецъ... Однако я боюсь, что турки могутъ прорваться гдѣ-нибудь, говоритъ генералъ Куропаткину.—Мы ихъ разумѣется выгонимъ, но на полчаса они надѣлаютъ суматоху. Приблизить резервы.

Нѣсколько минутъ еще—и точно ожили, дали... Все, что впереди было погружено въ мертвое молчаніе, загремѣло выстрѣлами. Турки обнаружили себя. По свойственной имъ манерѣ они и теперь подходятъ—стрѣляя.

— Сколько ихъ?..

— А вотъ по линіи огня нужно опредѣлить, и офицеръ высматриваетъ таборы, стоя на брустверѣ.

Впереди во тьмѣ дымится линія зловѣщихъ ружейныхъ огней. На версту по крайней мѣрѣ они растянуты... По густотѣ видно, что и въ глубину наступающія части значительны, что это не развернутый строй, а сомкнутыя массы подходятъ. Огни все ближе и ближе. Надъ головами у насъ свистятъ, жужжатъ и стонутъ тысячи пуль.

Залпы также слышатся и направо, и налѣво...

— Не давайте имъ успокаиваться. Пальба рядами! командуетъ уже самъ Скобелевъ.

Вотъ заговорили картечницы... Вотъ грянули наши брестованскія батареи... Турки изъ Кришина тоже отвѣчать стали... Нѣсколько шрапнелей разорвало далеко впереди. Одна турецкая граната прямо въ массы своихъ попала.

— Еще залпъ.

Опять трескъ, точно земля рушится подъ вами. Но сегодня турки удивительно настойчивы. Они уже въ сорока шагахъ. Въ рядахъ ихъ смерть,—а они все идутъ впередъ... Положеніе становится серьёзнымъ. Скобелевъ вскакиваетъ уже на брустверъ и командуетъ обороной траншеи. Точно ореолъ передъ солдатами огни залповъ и ихъ отвѣты, защитники траншеи въ дыму, озаренномъ краснымъ блескомъ огня. Мимо нихъ несутся тысячи пуль,

нѣкоторыя у самой головы впиваются въ брустверъ, извлекая искры изъ его земляной массы... Голосъ команды не смолкаетъ ни на одну минуту. Онъ слышенъ и на правомъ и на лѣвомъ флангѣ траншей. Онъ прямо въ лицо врагу кидаетъ свои бѣшеные звуки. Залпы становятся чаще. Какой-то хаосъ царитъ кругомъ, теряешь голову— и сознаніе отказывается служить тебѣ.

— Слава Богу! отбили, слышится около...

— Перестать стрѣлять, довольно... кто-то приказываетъ въ темнотѣ.

— Какъ довольно? кричитъ Скобелевъ.—Турки бѣгутъ. залпами—въ спину имъ.

Еще нѣсколько залповъ—и все смолкаетъ... Только стоны раненыхъ слышатся за брустверомъ, да оживленный говоръ солдатъ все ростетъ и ростетъ въ темнотѣ траншеи.

Ночью мы пробовали свои орудія и картечницы, обстрѣливая турецкую траншею продольными выстрѣлами. Только-что мы было успокоились, передъ нашимъ брустверомъ обрисовалась какая-то фигура человѣка...

— Свой, не стрѣляй!... предупреждаетъ онъ.

— Откуда?

— Изъ секрета... Убило у насъ одного.

— Ну, несите сюда.

Черезъ нѣсколько минутъ солдаты принесли на рукахъ уже мертваго товарища. Лицо все залито кровью, пуля ударила въ голову. Промучился недолго. Движеніе секрета было замѣчено турками и по всей линіи разгорѣлась перестрѣлка. Непріятель ни съ того, ни съ сего сталъ насъ угощать залпами. Гребень ихъ траншеи освѣтился весь краснымъ заревомъ несмолкающаго ружейнаго огня. Нашъ брустверъ тоже одѣлся въ золотую кайму. Вѣтромъ относило назадъ сѣрые клубы дыма. Пострѣляли съ полчаса—а толку никакого. Наши уже давно не отвѣчаютъ, а турки все не могутъ успокоиться. Наконецъ и у нихъ стала замирать перестрѣлка. Только нѣсколько часовыхъ со стороны непріятеля забрались на деревья и оттуда бьютъ прямо въ траншею. Сначала въ гребень стали попадать, потомъ ухитрились прорѣзывать тонкіе дюнеты гребня пулями, зарывавшимися въ глину рядомъ съ безмятежно спавшими солдатами.

— Знаете что... Должно быть секреты плохо поставлены у насъ, слышенъ голосъ Скобелева.

— Почему?

— Одного убило... Ихъ могутъ видѣть турки. Нужно сейчасъ же найти другія мѣста для секрета.

— Я сейчасъ пойду, говоритъ Гренквистъ.

— Нѣтъ, этимъ уже я распоряжусь...

— Турки по васъ начнутъ бить прицѣльно. Вѣдь тутъ разстояніе до нихъ самое малое.

— Пускай бьютъ.

И Скобелевъ съ своими ординарцами перепрыгнулъ черезъ брустверъ. Сердце щемило за него. Вотъ-вотъ—шальная пуля, которыхъ такъ много носится теперь по всему этому пространству, положитъ конецъ этой блестящей жизни. И досада брала на молодаго генерала, точно безъ него некому развести секретовъ и выбрать имъ мѣста. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, всё дѣлать самому. Эти полчаса, которые Скобелевъ пробылъ за бруствероиъ подъ огнемъ—весь отрядъ провелъ въ крайнемъ безпокойствѣ. Нечего и говорить, что мы сейчасъ же по всей линіи прекратили огонь; иначе и свои пули могли бы задѣть генерала и его спутниковъ.

— Ахъ, ты, Господи! мутило солдатъ. Какъ они уложутъ его сердешнаго.

— Никто, какъ Богъ... Бережотъ его—ну, и цѣлъ...

— Заговоренный. Что ему!

— Въ Хивѣ, сказываютъ, заговорили. „Хивинецъ“ девять дней и девять ночей возилъ Скобелева по „Хивѣ невѣрной“ и заговаривалъ. Потомъ девять дней и девять ночей Скобелеву ѣсть и пить не давали и всё заговаривали, пока совсѣмъ не заговорили, такъ что пули проходятъ насквозь, не причиняя Скобелеву ни малѣйшаго вреда.

Пока генералъ разводитъ секреты, опишемъ его оригинальное жилье въ траншеяхъ.

Сегодня оно уже улучшено: вырыта яма, въ которой можно вытянуться во весь ростъ; земля въ ней убита очень плотно, изъ Брестовца перевезли кровать, поставили столъ и нѣсколько табуретовъ; крышу настлали изъ плетня, добытаго въ сосѣдней деревнѣ, на плетень навалили соломы, а на солому землю, передняя часть крыши открыта и черезъ

отверстіе въ землянку часто залетаютъ пули. Кто-то доставилъ сюда желѣзную печку, къ которой мы ночью приходили грѣться, когда ужь слишкомъ пронимало холодомъ. На столѣ карты, планы и бумаги. Скобелевъ почти не отдыхалъ; онъ, въ свободное отъ турецкой атаки и нашихъ работъ время, или читаетъ, или пишетъ. Какъ не-похожъ онъ на тѣхъ воинственныхъ генераловъ, которые обыкновенно устраиваются съ полнымъ комфортомъ, верстахъ въ десяти за линіей огня, и если пріѣзжаютъ въ свои дивизіи, то нарочно въ спокойное время.

— Знаете что, господа? слышится въ темнотѣ чей-то голосъ.

— Кто это говоритъ?

— Давайте, отучимъ генерала рисковать собой.

— Какъ его отучишь?

А вотъ замѣтили вы, что онъ терпѣть не можетъ, если рядомъ съ нимъ въ опасныхъ пунктахъ выставляются и другіе.

У Скобелева дѣйствительно есть эта черта. Рискуя собою, онъ всегда заботится о безопасности другихъ.

— Всякій разъ, какъ онъ выставится на банкетъ, либо за брустверъ уйдетъ—сейчасъ же давайте и мы съ нимъ гурьбой.

— Чудесно.

Скобелевъ не заставилъ себя ждать. Онъ вернулся оттуда, изъ-за бруствера, разставивъ наши секреты. Въ эту минуту разгорѣлась перестрѣлка и генералъ выставился надъ брустверомъ, какъ-разъ противъ непріятельскаго огня. Вокругъ сейчасъ же образовалась цѣлая толпа: ординарцы, штабные, офицерство всё тутъ было.

— Что вы, господа, стоите тутъ... Пули дожидаетесь что-ли? обращается къ нимъ Скобелевъ.

— Мы имѣемъ честь находиться при вашемъ превосходительствѣ, отвѣчаетъ одинъ изъ ординарцевъ, прикладывая руку къ козырьку.

Понялъ и расхохотался.

Повторили другой и третій разъ—и Скобелевъ, пожимая плечами, долженъ былъ сходить съ бруствера.

Скажутъ, что человѣкъ бравируетъ. Это разумѣется такъ, но все-таки дѣлается не безъ толку: началась стрѣльба у

непріятеля и онъ хочетъ по линіи огня узнать, какими силами тотъ располагаетъ. Доносятъ ему о работахъ у турокъ — лично убѣждается, что они предпринимаютъ. Другой бы положился на донесенія своихъ подчиненныхъ; онъ же полагается только на себя и на свой глазъ.

— Абазіевъ! призываетъ къ себѣ Скобелевъ молодаго осетина, состоящаго при немъ.—Вы ужь нѣсколько дней въ траншеѣ. Поѣзжайте сегодня спать въ Брестоваць.

— А ваше превосходительство тдѣ будете?

— Здѣсь.

Абазіевъ ужасно обижается.

— Я при васъ состою... И остался.

Въ ночь на 2-е ноября Скобелевъ велѣлъ произвесть экспланаду; самъ онъ, по обыкновенію, спѣшитъ быть впереди: въ землянкѣ ему не спится, когда другіе работаютъ впереди; онъ перелѣзаетъ за брустверъ и присоединяется на той сторонѣ къ солдатамъ, уже подсѣкающимъ кусты въ ста шагахъ отъ насъ.

— Слава Богу, сегодня кажется все удастся... слышится скоро его первый голосъ. Вернулся...

Но какъ нарочно, въ эту самую минуту у турокъ на ихъ правомъ флангѣ, соотвѣтствующемъ нашему лѣвому, участились выстрѣлы. Видимо уже не одинъ человѣкъ стрѣляетъ... видимо тревога ростетъ и расползается по всей ихъ траншеѣ. Вотъ залпъ... Другой...

— Ахъ скверно... слышится около.

На нашемъ брустверѣ показываются нѣсколько фигуръ.

— Вы что? встрѣчаетъ ихъ Скобелевъ.

— Съ работы, ваше благородіе. не различаютъ они его.

— Кончили?

— Нѣтъ... турки стрѣляютъ... нельзя, говорятъ они порывисто, задыхаясь. „Видимо-невидимо“ турокъ... слышится въ такихъ случаяхъ стереотипная фраза начинающейся паники... Солдаты грузно опускаются въ траншею.

— Вамъ страшно... Товарищи работаютъ, а вамъ страшно... злится Скобелевъ.— Стройся.

Перевалившіе къ намъ солдатики строются.

— Маршъ опять на работу, да живо, а то, вотъ вамъ Богъ, пойду и предъ турецкой траншеей произведу вамъ ученье... Вы меня, вѣдь знаете.

Четыре или пять фигуръ идутъ опять черезъ брустверъ.

— Господа офицеры, слѣдите затѣмъ, чтобы люди дѣлали свое дѣло какъ слѣдуетъ... кричитъ Скобелевъ...

Во время рѣшительнаго боя на Зеленыхъ горахъ Скобелевъ былъ контуженъ; сильная боль заставила его вздрогнуть и невольно прижать ладонь къ боку, но онъ тотчасъ же оправился, старался не дать замѣтить солдатамъ, что турецкая пуля задѣла его: онъ не хотѣлъ разочаровывать солдатъ, привыкшихъ думать, что онъ „неуязвимъ".

— Что такое? что съ вами? заговорили вокругъ него.

— Тише, пожалуйста тише! шепчетъ онъ: меня сильно задѣло.

Къ нему подбѣгаютъ, чтобъ поддержать его...

— Оставьте... развѣ можно?.. солдаты увидятъ! шопотомъ говоритъ онъ.—Здорово, молодцы! особенно громко привѣтствуетъ онъ солдатъ: поздравляю васъ, славно отбили атаку.

— Ахъ, какъ больно однако, шепчетъ онъ чрезъ минуту.

— Идите въ землянку скорѣй, совѣтуютъ ему.

— Нѣтъ. Вѣсть, что я раненъ распространится по всей траншеѣ. Нужно идти на лѣвый флангъ. И онъ отправляется туда ободрять солдатъ. „Сохранимъ это мѣсто для нашихъ братьевъ... Мы его кровью добыли. Не дешево оно намъ стоитъ"... Минута была дѣйствительно торжественная. Въ эту ночь, будь турки посмѣлѣй и понастойчивѣй, они могли бы броситься въ самую траншею и намъ каждому пришлось бы самому защищать себя лично. Разумѣется, мы бы опять отняли траншею, но чего бы это намъ стоило?

— Не отдадимъ, ваше пр—во! слышится откликъ. Траншея была пройдена, мы всѣ, наконецъ, вошли въ землянку. При огнѣ лицо Скобелева казалось слегка поблѣднѣвшимъ. Снимаютъ полушубокъ, Скобелевъ раздѣвается и...

— Да гдѣ же она?..

— Что такое?.. кто она?

— Раны нѣтъ, радостнымъ голосомъ замѣчаетъ Куропаткинъ.

— Какъ нѣтъ? Кровь кидается въ лицо Скобелеву.

— Такъ... Поздравляю съ контузіей, громко выкрикиваетъ кто-то.

Тутъ только Скобелевъ опускается на кровать.

— Но какъ больно было, какъ далеко отдалась, а я думалъ, что она оцарапала глубоко. Скорѣе одѣваться! Болитъ, да дѣлать нечего, нужно идти. Мы осматриваемъ полушубокъ: оказывается, что пуля ударилась въ правый бокъ, тамъ, гдѣ клапанъ застежки, отодрала его и, пробивъ полушубокъ, сильно ушибла тѣло.

— Здорово, молодцы! Спасибо за службу! черезъ нѣсколько мгновеній уже звучалъ опять въ траншеѣ голосъ Скобелева, подъ гвалтъ и трескъ новой атаки турокъ.

Несмотря на стремительныя атаки турокъ, взятыя нами Зеленыя горы, благодаря энергіи и распорядительности Скобелева, все-таки остались за нами, хотя Скобелевъ и получилъ еще одну контузію въ плечо.

Геокъ-Тепе.

По окончаніи турецкой войны, генералъ-лейтенантъ Скобелевъ былъ назначенъ командиромъ 4-го армейскаго корпуса, 30-го августа 1878 года пожалованъ званіемъ генералъ-адъютанта, а въ концѣ 1880 года вновь вызванъ на боевое поприще и на этотъ разъ въ качествѣ совершенно самостоятельнаго начальника — командующимъ войсками, дѣйствовавшими въ Закаспійскомъ краѣ.

Предстоявшая задача была отвѣтственная и трудная, но совершенно соотвѣтствовавшая характеру Скобелева: должно было поправить дѣла наши въ Закаспійскомъ краѣ и рѣшительнымъ ударомъ сломить сопротивленіе текинцевъ, крайне возбужденныхъ нашею предшествовавшею неудачей. Къ разрѣшенію этой задачи Скобелевъ приступилъ со свойственною ему осмотрительностію и съ полнымъ вниманіемъ: какъ здѣсь, въ Петербургѣ, такъ и на мѣстѣ имъ не было упущено ничего для подготовки къ походу въ смыслѣ выбора помощниковъ и снабженія отряда всѣмъ необходимымъ. Отлично знакомый со свойствами непріятеля и съ качествами нашихъ войскъ, онъ съ полною увѣренностью приступилъ къ дѣлу, сумѣлъ вдохнуть эту увѣренность въ

войска, но проявилъ здѣсь вполнѣ ту осторожность, которая столь цѣнна въ беззавѣтно-храбромъ генералѣ: начавъ съ постепенной атаки, онъ шагъ за шагомъ подвигается къ крѣпости, усиленно и неустанно ее обстрѣливаетъ и кончаетъ блестящимъ штурмомъ. Читая рапортъ о дѣйствіяхъ его подъ стѣнами Геокъ-Тепе, заключающій въ себѣ сухое, фактическое изложеніе событій, съ любопытствомъ наблюдаешь, какъ падаютъ предъ его непреклонною волей, однѣ за другими, преграды, поставленныя непріятелемъ, и какъ ростетъ и зрѣетъ въ нашихъ рукахъ увѣренность въ успѣхѣ, несмотря на частныя неудачи. Инструкція офицерамъ, данная имъ предъ штурмомъ, можетъ считаться образцовою какъ по уясненію обстановки, такъ и по множеству цѣнныхъ совѣтовъ, въ ней заключающихся. Уясняя обстановку, генералъ Скобелевъ съ полною откровенностью указываетъ на трудность предстоящихъ дѣйствій; но въ самой этой откровенности, въ хладнокровномъ обсужденіи дѣла, уже звучитъ рѣшимость преодолѣть поставленныя препятствія. „При дѣйствіяхъ противъ непріятеля," говорилъ Скобелевъ въ инструкціи, „защищающагося на позиціи, покрытой садами, зданіями и стѣнками, укрѣпляемой имъ столь продолжительное время, имѣющей для него такое важное значеніе какъ вслѣдствіе успѣха, одержаннаго въ прошломъ году, такъ и потому, что здѣсь собраны семьи и все имущество защитниковъ, мы должны будемъ одолѣть упорное сопротивленіе за каждымъ закрытіемъ; можемъ, наконецъ, встрѣтить отчаянный смертельный бой на ножахъ и ятаганахъ. Будемъ бить противника тѣмъ, чего у него нѣтъ; воспользуемся дисциплиной и нашимъ скорострѣльнымъ оружіемъ; будемъ бить противника сомкнутымъ, послушнымъ, гибкимъ боевымъ порядкомъ, дружными мѣткими залпами и штыкомъ, всегда страшнымъ въ рукахъ людей, обитыхъ дисциплиной, чувствомъ долга и круговою порукою въ одно могучее тѣло — колонну. Кавалеріи не вдаваться въ одиночный бой съ многочисленной конницей противника, имѣющей прекрасныхъ коней и съ дѣтства привыкшей владѣть холоднымъ оружіемъ. Пока непріятельская конница не дрогнула или не поставлена въ невыгодныя условія, не приперта къ какому-нибудь препятствію, наша кавалерія не должна вступать съ нею въ кавалерій-

скій бой. Преслѣдованіе бѣгущей туркменской конницы безполезно и поведетъ насъ къ разстройству тактической связи, главной нашей силы и обезпеченія. Кавалеріи держаться при атакахъ сомкнутаго строя, недоступнаго для прорыва, даже въ полковыхъ и сотенныхъ колоннахъ. При атакахъ не столько нужна быстрота, сколько сомкнутость и порядокъ; а потому ихъ слѣдуетъ вести накороткѣ, чтобы часть была къ рукахъ и ударъ былъ сомкнутый и тяжолый. Напротивъ того, при дѣйствіяхъ противъ нестройныхъ массъ недисциплинированной азіятской пѣхоты, атаки нашей кавалеріи должны быть безотвѣтно рѣшительны, хотя и здѣсь кавалерійская разумная отвага должна опираться на устуный порядокъ и соотвѣтственное массированіе резерновъ". Нельзя не признать этихъ превосходныхъ совѣтовъ за образецъ примѣненія тактическихъ правилъ къ особенностямъ непріятеля.

За взятіе Геокъ-Тепе и за завоеваніе Ахалъ-Текинскаго оазиса, этого втораго территоріальнаго пріобрѣтенія, доставленнаго имперіи нашими войсками подъ начальствомъ Скобелева, ему былъ пожалованъ орденъ Св. Георгія 2-й степени и чинъ генерала отъ инфантеріи.

По окончаніи текинской экспедиціи Скобелевъ могъ-бы почить на пожатыхъ имъ лаврахъ, какъ это дѣлаютъ многіе; но характеръ Скобелева былъ таковъ, что покоя для него не существовало. Приводимъ разсказъ Духонина, начальника штаба 4-го корпуса, который ярко обрисовываетъ отношенія къ своему дѣлу Скобелева: „Какъ бы предчувствуя свою кончину", разсказываетъ Духонинъ: „въ послѣднее время онъ не разъ говорилъ, что оставляя корпусъ, онъ можетъ быть не вернется къ нему болѣе; а потому, замѣтивъ, что кавалерія сильно отстаетъ въ боевой подготовкѣ отъ пѣхоты, онъ рѣшилъ лично заняться ею, давъ ей нѣсколько уроковъ и подкрѣпивъ ихъ личнымъ примѣромъ. И, вотъ, этотъ удивительный генералъ, вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ штаба, самъ ставитъ мишень, управляетъ атакой эскадроновъ, развивая ея продолжительность отъ 300 шаговъ казеннаго масштаба до боевой—въ 2000 шаговъ. Затѣмъ онъ ведетъ эскадроны къ рѣкѣ и вкратцѣ

ознакомя ихъ съ теоріей управленія лошадью въ водѣ, беретъ самую неспособную и упрямую лошадь, раздѣвается и кидается съ нею вплавь. Лошадь, уступая теченію, поворачиваетъ назадъ; она захлебывается, увлекаетъ отважнаго пловца... Онъ нырнулъ разъ, другой... Полкъ, стоя на берегу, не смѣетъ перевести дыханіе, а генералъ упорно гонитъ лошадь по разъ взятому направленію. Настойчивость человѣка беретъ верхъ надъ упрямствомъ животнаго: конь переплываетъ и выноситъ на крутой берегъ отважнаго пловца. Ура! несется ему отъ полка, а онъ опять въ воду, и уже пріученный конь умѣло переплываетъ рѣку во второй разъ. „Ну, молодцы! слѣдуйте же примѣру вашего корпуснаго командира!“ И полкъ—офицеры и солдаты, наперерывъ спѣшили кинуться въ воду и переплыли рѣку. Приведемъ еще и другой разсказъ о М. Д. Скобелевѣ изъ послѣдней восточной войны: „Я самъ видѣлъ, продолжалъ генералъ Духонинъ, какъ М. Д. Скобелевъ, при переправѣ черезъ Дунай, предлагая въ помощь дивизіи Драгомірова придать кавалерійскую дивизію и встрѣтя возраженіе Левицкаго,—какъ, молъ, переправить чрезъ такую рѣку дивизію конницы.—быстро раздѣлся, бросился въ Дунай и переплылъ его съ лошадью. Затѣмъ, обратясь къ теоретикамъ, онъ сказалъ: „если я что-нибудь предлагаю другимъ, я первый всегда подамъ собою примѣръ! а что можетъ одинъ человѣкъ, то доступно и сотнямъ и тысячамъ“.

За нѣсколько дней до своей кончины, Скобелевъ произвелъ съ кавалеріей корпуса маневры и различныя упражненія и въ послѣднемъ приказѣ своемъ, отъ 15-го іюня, даетъ войскамъ, какъ бы въ видѣ послѣдняго своего завѣта, множество полезныхъ указаній и наставленій, почерпнутыхъ имъ изъ его главной боевой практики.

Смерть и проводы Скобелева.

Затѣмъ Скобелевъ былъ назначенъ командовать виленскимъ военнымъ округомъ; по окончаніи маневровъ въ Оранахъ, взявъ отпускъ на 28 дней, отправился въ свое имѣніе, Рязанской губерніи, и на короткое время остановился въ

Москвѣ, съ цѣлью осмотрѣть Всероссійскую выставку. Здѣсь, въ Москвѣ, онъ и скончался скоропостижно (24 іюня 1882 года).

Внезапная смерть Скобелева возбудила множество толковъ; но мы не будемъ упоминать о нихъ.

Всѣ высокопоставленныя лица Москвы собирались 25-го и 26-го числа на панихиды въ нумерѣ гостинницы Дюссо, гдѣ на обитомъ парчей и обставленномъ лавровыми деревьями столѣ лежало тѣло его, окруженное 29-ю русскими и иностранными орденами, пожалованными ему при жизни. Десятки тысячъ народа окружали гостинницу.

Утромъ 26-го іюня тѣло Михаила Дмитріевича Скобелева, при участіи одного изъ прозекторовъ московскаго университета и нѣсколькихъ докторовъ-ассистентовъ, было набальзамировано. Послѣ бальзамированія, тѣло Скобелева, одѣтое въ парадномъ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ, было положено въ гробъ.

Гробъ, выложенный свинцомъ и отдѣланный внутри бѣлымъ атласомъ, снаружи отличался изящною простотой: онъ изготовленъ изъ полированнаго дуба, на крышкѣ большой осьмиконечный выпуклый крестъ, также дубовый.

Къ часу пополудни, то-есть ко времени, назначенному для панихиды, прибыли изъ Петербурга: княгиня Н. Д. Бѣлосельская-Бѣлозерская (сестра покойнаго) съ мужемъ и сыномъ, графъ А. В. Адлербергъ съ супругой, родною сестрой матери покойнаго, и генералъ-адъютантъ графъ Э. Т. Барановъ.

Въ восемь часовъ вечера послѣдовалъ выносъ въ церковь Трехъ Святителей, что у Красныхъ воротъ. Гробъ, весь убранный живыми цвѣтами, былъ поднятъ родственниками покойнаго и высшими военными чинами.

Во главѣ процессіи шли офицеры, неся двѣнадцать большихъ вѣнковъ изъ живыхъ цвѣтовъ; за ними офицеры несли крышку гроба съ каской и шашкой покойнаго. Вся крышка была покрыта цвѣтами и лаврами, перевитыми георгіевскими лентами. Два офицера несли букеты—приношеніе московскихъ дамъ. За ними шли семь офицеровъ съ орденами покойнаго. Затѣмъ слѣдовало духовенство, съ архимандритомъ Аѳанасіемъ во главѣ, и наконецъ—гробъ, который все время несли на рукахъ офицеры генеральнаго штаба и адъютанты. За гробомъ шли графъ А. В. Адлербергъ, графъ Э. Т. Ба-

раловъ и родственники покойнаго и ѣхалъ верхомъ князь В. А. Долгоруковъ въ сопровожденіи генераловъ и ихъ адъютантовъ. Шествіе замыкали военные и гражданскіе чины и казаки верхомъ. Начиная отъ гостинницы Дюссо, вплоть до церкви Трехъ Святителей стояли войска безъ ружей. Шествіе двигалось съ трудомъ между народа, собравшагося въ невѣроятномъ количествѣ. Казалось, вся Москва собралась здѣсь, чтобы поклониться праху героя. Народъ толпился на улицахъ, стоялъ на балконахъ, въ окнахъ, сплошною массой занималъ крыши, стоялъ на подмосткахъ строющейся греческой часовни и висѣлъ на желобахъ домовъ. Въ церкви гробъ былъ поставленъ на катафалкъ подъ бархатнымъ малиновымъ съ золотомъ балдахиномъ. Обширный храмъ, залитый огнями, и переполненный лицами, сопровождавшими тѣло, представлялъ величественное зрѣлище. У балдахина помѣстился почетный караулъ. Весь гробъ покрытъ цвѣтами; по сторонамъ гроба лежали вѣнки изъ лавровъ, а въ ногахъ находился большой вѣнокъ съ надписью „Патріоту-герою“; тутъ же лежали и ордена покойнаго. На большихъ лавровыхъ деревьяхъ, сгруппированныхъ у гроба, навѣшаны тоже вѣнки, на черныхъ лентахъ которыхъ красовались золотыя надписи: „Закаспійская военная желѣзная дорога“ и „нижніе чины перваго желѣзнодорожнаго резервнаго баталіона“. Послѣ панихиды на ступеняхъ катафалка помѣстились съ двухъ сторонъ адъютанты покойнаго, наблюдая за порядкомъ. Вся площадь у Красныхъ воротъ была занята экипажами и народомъ, который, несмотря на дождь, и вечеромъ все прибывалъ и настоятельно домогался позволенія войти и поклониться тѣлу героя; вслѣдствіе чего признано было необходимымъ оставить церковь незапертою всю ночь и разрѣшить входъ всѣмъ желающимъ.

Храмъ Трехъ Святителей былъ выбранъ потому, что онъ давно связанъ съ родомъ Скобелевыхъ, такъ какъ и закладывалъ его при постройкѣ дѣдъ Михаила Дмитріевича, извѣстный по войнѣ 1812 года безрукій генералъ И. Н. Скобелевъ. Къ храму Трехъ Святителей у Красныхъ воротъ, куда перенесено было изъ гостинницы Дюссо тѣло Михаила Дмитріевича Скобелева, съ вчера субботы стремились десятки тысячъ народа, шедшаго поклониться праху рано от-

шедшаго въ міръ иной своего героя, и въ томъ числѣ были всѣ, начиная отъ рабочаго въ грязномъ изорванномъ кафтанишкѣ, до пріѣзжавшихъ на тысячныхъ рысакахъ лицъ высшаго положенія. Сюда пѣшкомъ брели съ сдѣланными изъ васильковъ и другихъ полевыхъ цвѣтовъ вѣнками подмосковные крестьяне; сюда спѣшили съ вокзаловъ пріѣхавшіе изъ разныхъ угловъ Россіи провинціяльные жители; сюда же прибывали высокопоставленныя лица и депутаціи изъ Петербурга. Все сливалось во едино; собиравшихся было столь много, что около церкви, окруженной почетнымъ карауломъ, стояло постоянно не менѣе 200 экипажей и 5 тысячъ пешеходовъ. Полиція и жандармы были не въ силахъ сдерживать массъ, спѣшившихъ въ храмъ. Принесенныхъ букетовъ и доставленныхъ отъ различныхъ учрежденій и лицъ вѣнковъ было столько, что передняя предъ гробомъ часть храма была вся занята ими. Изъ массы вѣнковъ многіе имѣли болѣе сажени въ діаметрѣ; особенно же выдавались два: одинъ съ надписью: „Славному русскому патріоту и воину М. Д. Скобелеву—гласные Пронскаго уѣзда“, а другой: „Герою Скобелеву, полководцу, Суворову равному,—академія генеральнаго штаба“. Изъ другихъ, кромѣ прежде описанныхъ вѣнковъ, упомянемъ нѣкоторые, именно отъ московской думы, московскаго земства, отъ войскъ 4-го корпуса, отъ 16-й пѣхотной дивизіи, отъ Воронежской губерніи, отъ г. Минска, отъ торговцевъ Охотнаго ряда, отъ драгунскаго Екатеринославскаго полка и московской мѣщанской управы, отъ редакцій „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Новаго Времени“, отъ общества Краснаго креста и отъ Англійскаго клуба. Перечислять всѣ рѣшительно нѣтъ возможности.

Въ воскресенье, 27-го іюня, были совершены двѣ парадныя панихиды (въ 1 часъ дня и 8 вечера), на которыхъ, кромѣ множества другихъ высокопоставленныхъ лицъ, присутствовали московскій генералъ-губернаторъ и прибывшіе изъ Петербурга: сестра покойнаго княгиня Н. Д. Бѣлосельская-Бѣлозерская, военный министръ И. С. Ванновскій, графы А. В. и Н. А. Адлерберги, графъ Э. Т. Баранновъ и многіе другіе, пріѣхавшіе въ качествѣ депутатовъ.

28-го іюня, съ разсвѣта, по Садовой, Мясницкой, по проѣзду отъ Красныхъ воротъ къ вокзаламъ, т. е. во всѣ четыре стороны отъ храма Трехъ Святителей, стали собираться

МИХАИЛЪ ДМИТРІЕВИЧЪ СКОБЕЛЕВЪ.

Типографія Н. К. Коди.

огромныя массы народа. Всѣ крыши, окна и балконы были полны биткомъ и во многихъ мѣстахъ покупались не однимъ рублемъ. Когда въ 10 часовъ утра раздался благовѣстъ къ погребальной службѣ, то обнажившихъ голову и перекрестившихся „за упокой души раба Михаила“ было въ окрестности храма не менѣе 100,000 человѣкъ. Высокопоставленныя вышеупомянутыя лица и вообще всѣ, которыхъ только имѣетъ Москва, прибыли къ литургіи и въ числѣ ихъ оказались пріѣзжіе генералы М. Г. Черняевъ и Дохтуровъ, профессоръ Менделѣевъ и французскій консулъ Де-ла-Грене. Совершалъ литургію преосвященный Амвросій съ нѣсколькими сослужившими. Въ половинѣ обѣдни, прямо съ Николаевскаго вокзала прибыли въ церковь ихъ императорскія высочества Алексѣй Александровичъ и Николай Николаевичъ Старшій, пріѣхавшіе изъ Петербурга съ курьерскимъ поѣздомъ. Отпѣваніе началось около 12-ти часовъ и совершали его преосвященный Амвросій съ архимандритами Златоустова монастыря Аѳанасіемъ и Высокопетровскаго—Григоріемъ съ 10 іереями и іеромонахами, при хорѣ синодальныхъ пѣвчихъ. Предъ „послѣднимъ цѣлованіемъ“, преосвященный Амвросій произнесъ надгробное потрясающее слово, помѣщенное, въ видѣ предисловія, въ этой книжкѣ.

Кончина М. Д. Скобелева вызвала въ русскомъ обществѣ такую единодушную скорбь, что нѣтъ города или деревни, гдѣ не были бы отслужены панихиды о скончавшемся героѣ.

Такого единодушнаго горя цѣлой страны не запомнитъ еще Европа: тѣмъ глубже, тѣмъ неутѣшнѣе русское горе, что не долѣе, какъ за четыре дня до кончины доблестнаго героя, на бывшемъ въ Петербургѣ военномъ совѣтѣ рѣшено было возстановить почетный титулъ главнокомандующему русской арміи и возвести въ это высокое званіе нашего легендарнаго „бѣлаго генерала“.

Замѣтимъ, что эта почесть была предсказана Скобелеву еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ и кѣмъ-же? Османъ-пашой, послѣ паденія Плевны.

Скобелевъ какъ воинъ и военачальникъ.

Военный уполномоченный Соединенныхъ Штатовъ въ Россіи, лейтенантъ Гринъ говоритъ: „Скобелевъ водилъ свои войска на штурмы такъ много разъ, какъ никто изъ находящихся въ живыхъ генераловъ нашего времени, за исключеніемъ Гранта. Всѣ штурмы его кончались побѣдами и только одинъ разъ онъ послѣ счастливаго штурма долженъ былъ уступить позицію подавляющему по численности непріятелю. Его военный геній такъ изумителенъ, что я твердо вѣрю, что если онъ проживетъ еще 30 лѣтъ, онъ будетъ главнокомандующимъ въ будущей войнѣ изъ-за восточнаго вопроса и въ исторіи онъ займетъ тогда мѣсто среди пяти величайшихъ полководцевъ нашего столѣтія, рядомъ съ Наполеономъ, Веллингтономъ, Грантомъ и Мольтке. Дѣйствительно, едва ли кому-либо приходилось въ теченіе 19-ти лѣтъ принимать участіе слишкомъ въ 70-ти дѣлахъ".

Замѣчательны отношенія Скобелева къ офицерамъ и солдатамъ; въ этихъ отношеніяхъ заключается отчасти секретъ его побѣды.

Предъ началомъ каждаго дѣла Скобелевъ самъ объяснялъ офицерамъ и даже солдатамъ цѣль предпріятія и иногда даже средства, имъ избранныя, такъ что всѣ знали, куда и зачѣмъ идутъ; оттого-то движеніе отрядовъ, находившихся подъ начальствомъ его, отличались такой стройностью и согласіемъ; а эти послѣднія два качества, при разумной диспозиціи, лучшіе залоги побѣды.

Скобелевъ обращался со всѣми, даже молодыми, офицерами совсѣмъ по-товарищески. Доказательствомъ можетъ служить слѣдующій отрывокъ изъ „Воспоминаній юнаго артиллериста".

„Послѣ смотра мнѣ совершенно случайно посчастливилось познакомиться на жмеринскомъ вокзалѣ съ туркестанскимъ героемъ, генераломъ Скобелевымъ 2-мъ, который ѣхалъ изъ Ферганской области въ дѣйствующую армію. Скобелевымъ я былъ положительно очарованъ: такого любезнаго и симпатичнаго генерала мнѣ никогда не приходилось встрѣчать. Какъ такой герой и такой талантливый генералъ обращается со мной, съ молодымъ офицеромъ, такъ просто, по-товарищески. Такъ какъ мнѣ надо было ѣхать по одному пути, то Скобелевъ меня пригласилъ въ купе, гдѣ познако-

милъ съ бывшимъ секретаремъ русскаго посольства въ Константинополѣ, княземъ Цертелевымъ, который былъ въ формѣ вольноопредѣляющагося драгунскаго полка.

— А что, ваше пр—ство, наивно разспрашивалъ я у генерала,—страшно на войнѣ? разскажите, какъ это тамъ?....

И Скобелевъ добродушно, съ улыбкой, удовлетворялъ мое неумѣстное любопытство».

Молодому офицеру пришлось еще разъ встрѣтиться съ Скобелевымъ. Это было уже послѣ взятія Плевны, когда готовились ко второму и окончательному переходу чрезъ Балканы.

«2-го декабря, послѣ осмотра укрѣпленій, я ѣхалъ по городу и встрѣтилъ Скобелева 2-го. Дѣлаю подъ козырекъ.

— Гдѣ это я васъ видѣлъ? останавливаетъ онъ меня.

— Въ Жмеринкѣ, ваше превосходительство, когда вы изволили ѣхать изъ Туркестана! отвѣтилъ я.

— Ахъ да, помню, ну, поѣдемте ко мнѣ завтракать.

— Виноватъ, ваше превосходительство, я не такъ одѣтъ... извинялся я.

— Пустяки!

Скобелевъ занималъ одинъ изъ хорошенькихъ домиковъ въ Плевнѣ, счастливо уцѣлѣвшихъ отъ бомбардировки. Мнѣ крайне совѣстно было за свой ужь больно боевой костюмъ: мундиръ былъ безъ погоновъ, разодранный подъ мышками, мозаиковыя штаны напоминали карту кантоновъ Швейцаріи. Общество у Скобелева было самое разнокалиберное: тутъ были и генералы, и прапорщики, и корреспонденты, и даже вольноопредѣляющіеся; всѣ, не стѣсняясь, сидѣли за столомъ и завтракали. Меня немножко поразилъ такой составъ и это простое, товарищеское обращеніе Скобелева съ каждымъ.

Входитъ какой-нибудь офицеръ, по дѣламъ службы, въ полной походной формѣ и говоритъ:

— Ваше превосходительство, честь имѣю... начинаетъ онъ чеканить, вытянувшись въ струнку.

— Завтракали? обрѣзываетъ его Скобелевъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство! говоритъ офицеръ.

— Садитесь и ѣшьте, что Богъ послалъ.

Зная хорошо натуру русскаго человѣка, Скобелевъ понималъ, что усталому солдату, послѣ боя, теплая пища—луч-

шая награда за понесенные труды и лишенія: „нельзя брать прочій обозъ, но чтобы котлы были взяты“. Очевидцы разсказывали, что подъ Ловчей или Плевной, при штурмѣ турецкихъ позицій, когда утомленные солдаты останавливались, говоря: „Моченьки нѣту отъ усталости, ваше превосходительство“,—Скобелевъ кричалъ имъ: „Благодѣтели! каша будетъ вечеромъ: кашей накормлю; возьмите еще эту турецкую батарею!“—и солдаты, смѣясь отъ души, напрягали послѣднія силы и брали непріятельское укрѣпленіе.

Для того, чтобы обрисовать личныя качества М. Д. Скобелева, а также его стратегическіе и политическіе взгляды, приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ книжки англичанина Марвина „Русское наступательное движеніе къ Индіи“.

Пріѣхавъ въ Россію, г. Марвинъ добился свиданія съ М. Д. Скобелевымъ.

„Я никогда не встрѣчался, говоритъ онъ, съ человѣкомъ, который произвелъ бы на меня столь чарующее впечатлѣніе. Если бы Карлейль увидалъ его, то онъ помолодѣлъ бы; въ немъ ожило бы одушевленіе, съ которымъ онъ относился къ героямъ своихъ историческихъ изслѣдованій“.

Разговоръ между Скобелевымъ и Марвинымъ шолъ о среднеазіятскомъ вопросѣ. Скобелевъ изложилъ свой взглядъ на веденіе войны въ Средней Азіи. Отрицая намѣреніе занять Мервъ, приписываемое русскимъ, онъ сказалъ:

„Это даже излишне, пока живо и памятно будетъ впечатлѣніе штурма Геокъ-Тепе. Я того мнѣнія, что въ Азіи продолжительность мира въ прямой зависимости отъ жестокости удара, нанесеннаго въ бою непріятелю. Казни генерала Робертса въ Кабулѣ были ошибкой. Каковъ бы ни былъ родъ казни, онъ все-таки уступитъ изобрѣтательности въ этомъ отношеніи восточнаго дѣспота. Къ этому туземцы привыкли; мало того, совершеніе надъ мусульманами казни невѣрнымъ порождаетъ въ туземцахъ ненависть. Я предпочелъ бы бунтъ цѣлой области казни одного туземца. Если вы побѣдите ихъ силой въ бою и нанесете жестокій ударъ—они этому подчиняются, какъ волѣ Божіей. Моя система—сразу сильно ударить и наносить затѣмъ ударъ за ударомъ, пока не сломлено сопротивленіе. Съ наступленіемъ этого момента вводится строжайшая дисциплина, кровь перестаетъ литься и съ побѣжденнымъ обходятся мягко и гуманно“.

„Разговоръ перешолъ къ боямъ въ Средней Азіи, въ которыхъ участвовалъ Скобелевъ. Онъ любезно предложилъ Марвину пояснить на чертежѣ ходъ боя при Махрамѣ, гдѣ Скобелевъ былъ подъ начальствомъ Кауфмана".

„Скобелевъ придвинулъ къ себѣ пачку бумаги и выбралъ нѣсколько цвѣтныхъ карандашей изъ числа 30—40 штукъ, тонко очиненныхъ и лежавшихъ въ порядкѣ на столѣ. Пододвинувъ свое кресло вплотную къ столу, онъ началъ набрасывать съ поразительной быстротой планъ мѣстности при Махрамѣ. Хотя это былъ только набросокъ, однако Скобелевъ началъ съ того, что опредѣлилъ масштабъ. При помощи разноцвѣтныхъ карандашей, онъ ясно обозначилъ расположеніе войскъ и характеръ мѣстности. Подробности не лишали планъ ясности; названія мѣстностей были обозначены и рядомъ обозначена численность войскъ. Когда набросокъ былъ завершонъ, онъ оказался болѣе законченнымъ, чѣмъ многіе рисунки плановъ, приложенныхъ къ новѣйшимъ нашимъ военнымъ трудамъ о войнѣ съ Афганистаномъ. Исполняя набросокъ, онъ съ большимъ воодушевленіемъ описывалъ въ малѣйшихъ подробностяхъ поле битвы; онъ никогда не искалъ словъ; онъ приводилъ факты одинъ за другимъ въ совершеннѣйшемъ порядкѣ и говорилъ такъ ясно, что не было надобности ни въ какихъ дополнительныхъ объясненіяхъ.

„Когда Кауфманъ осмотрѣлъ позиціи, разсказывалъ Скобелевъ, онъ обратился къ штабу и спросилъ: кто знаетъ что-либо о битвѣ при Ферозешѣ? Я читалъ все, что ея касалось, но промолчалъ, ожидая отвѣта другихъ офицеровъ. Никто, оказалось, не зналъ ничего про этотъ бой; тогда я его изложилъ генералу. Мы не сдѣлали ошибки, которую допустилъ въ первый день боя англійскій генералъ при Ферозешѣ. Мы сразу воспользовались возвышенностями, обошли непріятеля и загнали его въ рѣку. Она была запружена человѣческими головами. У коканцевъ выбыло 20,000 человѣкъ изъ 60,000. Мы потеряли 18 человѣкъ. Въ этотъ день я командовалъ кавалеріей отряда".

Марвинъ приводитъ изъ послѣдней ахалтекинской экспедиціи интереснѣйшій примѣръ безстрашія и смѣлости М. Д. Скобелева; считаемъ не лишнимъ напомнить этотъ случай: «Нѣсколько дней спустя послѣ взятія Асхабада, Скобелевъ во время рекогносцировки встрѣтилъ значительную толпу

конныхъ текинцевъ. „Кто вы такіе?“ спросилъ онъ. „Мирные текке„—отвѣчали они. „Какъ я повѣрю этому, когда вы вооружены„—сказалъ Скобелевъ. „Текинецъ никогда не лжетъ“,—возразилъ гордо одинъ изъ нихъ. „Хорошо; если такъ, вы проводите меня до Асхабада“.—сказалъ Скобелевъ. И съ этими словами онъ отпустилъ свой конвой, отправился къ Асхабаду, окружонный кучкой дикихъ разбойниковъ, которые только-что отчаянно дрались подъ Геокъ-Тепе нѣсколько дней передъ тѣмъ“.

Скобелевъ какъ политикъ.

Скобелевъ былъ нетолько великимъ полководцемъ (по отзыву иностранцевъ не ниже Суворова), онъ былъ и прозорливымъ политикомъ, и часто, очень часто, онъ выказывалъ гораздо бо́льшую прозорливость, чѣмъ наши присяжные дипломаты.

Въ 1878 году Скобелевъ составилъ особую записку о восточномъ вопросѣ (которая была напечатана въ іюльской книжкѣ „Русской Старины“). Эта записка помѣчена 27-мъ числомъ декабря 1878 г. и составлена послѣ поѣздки Скобелева въ Константинополь; она была составлена въ то время, когда Россія, расплачиваясь за свои ошибки, должна была почти цѣлый годъ держать свою армію на театрѣ войны въ боевой готовности, и когда у насъ многіе, считая эту оккупацію безполезной, роптали и требовали безотлагательнаго возвращенія войскъ.

Въ этой запискѣ Скобелевъ, какъ прозорливый политикъ, не теряется въ частностяхъ военныхъ или политическихъ событій дня, напротивъ, сохраняетъ ясный и опредѣленный взглядъ на общее положеніе, развиваетъ свои мнѣнія и выводы въ краткихъ словахъ, но фундаментально. Основная мысль Скобелева, высказанная въ моментъ общаго утомленія, недовольства и шатанія,—та, что продолжительная стоянка нашихъ войскъ впереди Адріанополя дала положительные результаты; это сидѣнье уничтожило суть уступокъ Россіи въ Берлинѣ—„военное занятіе линій Балканъ турками и прочное утвержденіе въ Восточной Румеліи подъ эгидою власти султана, западнаго, европейскаго, т. е. англійскаго вліянія»

которое помощью капитала и увлекательной прелести богатыхъ промышленныхъ операцій задушило бы въ зародышѣ не успѣвшее еще окрѣпнуть болгарское самосознаніе". „Что такъ возможно дѣйствовать, продолжаетъ Скобелевъ, не разъ указываетъ намъ исторія: такъ поступили французы въ Эльзасѣ, пруссаки въ Познани и даже это временно удавалось Австріи въ Ломбардо-Венеціянскомъ королевствѣ. Продолжительность оккупаціи Адріанополя нашею арміею, способною дѣйствовать во всякую минуту, въ корнѣ нарушаетъ возможность исполненія вышеизложеннаго: военное занятіе линіи Балканъ исполнимо лишь, если Румелія можетъ быть разсматриваема какъ прочный операціонный базисъ. Между тѣмъ грозное стояніе наше здѣсь настолько даетъ развитіе народному самосознанію въ южной Болгаріи, что задача лишить ее своей національности даже какою бы то ни было дорогою денежною цѣною, съ каждымъ днемъ затрудняется все болѣе и болѣе". Широкъ взглядъ Скобелева на данное положеніе: на военное дѣло, которое онъ любилъ, которому отдавался всею душею, онъ смотритъ лишь какъ на опору ростущему и крѣпнущему народному самосознанію; въ народномъ самосознаніи онъ видитъ главную силу. Не говоря уже о спеціалистахъ военнаго дѣла, много ли найдется людей въ государственныхъ канцеляріяхъ съ такимъ глубокимъ уваженіемъ къ народнымъ чувствамъ и мысли, съ такою истинно-государственной скромностью предъ лицомъ силы народной; за то и народъ чувствовалъ, сознавалъ, что этотъ „бѣлый генералъ" былъ близкимъ ему человѣкомъ.

Съ глубокимъ вниманіемъ Скобелевъ слѣдилъ за перипетіями борьбы партіи въ Англіи, опять-таки въ силу того, что онъ считалъ „внимательное изученіе симптомовъ, указывающихъ на приближеніе того или другаго настроенія британской націи, болѣе чѣмъ первостепенно важнымъ при рѣшеніи, какъ дѣйствовать съ Англіей въ данный моментъ". Опять мы видимъ, что въ міросозерцаніи Скобелева націи, ея настроенію, направленію общественнаго мнѣнія, отводится первое мѣсто; онъ находитъ время изучать движенія этой живой стихійной души и умѣетъ изучать ихъ. Скобелевъ подмѣтилъ охлажденіе британской націи къ Биконсфильду и тогда еще, въ исходѣ 1878 г., усмотрѣлъ приближавшееся паденіе его министерства, т. е. въ такой моментъ, когда собы-

тіе это казалось присяжнымъ дипломатамъ недосягаемымъ счастіемъ далекаго будущаго. Тогда какъ наши дипломаты конфузились въ виду народныхъ демонстрацій въ южной Болгаріи, посылали туда запрещеніе за запрещеніемъ, полагая, что народъ дѣлаетъ только безпорядокъ, Скобелевъ говоритъ въ своей запискѣ: „Турецкое безсиліе, въ особенности же патріотическія демонстраціи, вызванныя въ южной Болгаріи присутствіемъ здѣсь дѣйствующей арміи и возможныя лишь, пока она здѣсь, нанесли престижу консервативной партіи въ Англіи значительный ударъ“. По другимъ указаніямъ онъ замѣчаетъ, что консервативная партія своими увлеченіями начинаетъ быть въ тягость общественному мнѣнію страны. Изучивъ различныя направленія, какія оно принимало въ Англіи по отношенію къ Россіи, начиная съ 1840 года, Скобелевъ могъ предвидѣть, что послѣ періода русофобства при Биконсфильдѣ, вмѣстѣ съ паденіемъ его наступитъ періодъ русофильства. Это дѣйствительно и случилось. При Гладстонѣ сближеніе Англіи съ Россіей было дѣйствительно дружественное и до сихъ поръ обезпечивало миръ.

Беззащитность Турціи, недовольство турокъ британскою опекою, ростъ народнаго самосознанія въ южной Болгаріи, паденіе престижа Биконсфильда и поворотъ общественнаго мнѣнія Англіи къ дружественному согласію съ Россіею—всѣ эти реальныя политическія данныя, лишь въ послѣдствіи обнаружившіяся воочію, были подмѣчены Скобелевымъ въ исходѣ 1878 года, въ періодъ сугубаго уныній и шатанія въ нашихъ дипломатическихъ сферахъ; „герой-полководецъ, Суворову равный“, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ обладалъ прозорливостью и дальновидностью государственнаго человѣка, сохранившаго, въ самый запутанный моментъ, трезвый и спокойный взглядъ на политическія обстоятельства. Эти данныя у насъ совсѣмъ ускользали отъ вниманія дипломатовъ, даже не мало времени спустя, при подписаніи особаго мирнаго договора съ Портой въ началѣ 1879 года. Богъ вѣсть, какая участь постигла въ то время записку Скобелева; быть можетъ присяжные дипломаты не считали нужнымъ ее прочитать; можетъ они пробѣжали записку военнаго и высокомѣрно пожали плечами, вмѣсто того, чтобы внимательно изучить ее, вдуматься въ картину общаго положенія, нарисованную высоко-талантливымъ наблюдателемъ на мѣстѣ, и провѣрить по ней свои кан-

целярскія соображенія. Впрочемъ, Скобелевъ понялъ этихъ дипломатовъ; онъ писалъ хотя и мягко, но съ полною откровенностью: „Относительно рѣшеній Порты, при большей энергіи со стороны нашего посла, господствующее вліяніе должно, по силѣ вещей принадлежать Россіи и весьма прискорбно, что столь могучій дѣятель, какъ присутствіе въ Адріанополѣ дѣйствующей арміи и возможность во всякій данный моментъ теперь еще занять съ бою столицу Турціи, по всему, что я могъ замѣтить, слишкомъ мало принимается въ разсчетъ нашей дипломатіей".

Значеніе Скобелева, какъ сына Россіи.

„Скобелевъ скончался,—наша народная слава, наша надежда, во цвѣтѣ лѣтъ, въ полномъ развитіи своихъ замѣчательныхъ дарованій, когда, казалось, онъ стоялъ на порогѣ еще болѣе блестящаго поприща, какъ будущій доблестный защитникъ Россіи противъ всѣхъ ея внѣшнихъ, замышляющихъ нашу гибель враговъ. Одно его имя стоило цѣлыхъ армій! Какъ содрогнулась отъ этой ужасной вѣсти вся Россія, весь русскій народъ и весь славянскій міръ, и какъ возликовало все, что точитъ ковы на Русь и славянство!

Онъ умеръ и мы проводили его. Но не умиралъ ли онъ ежедневно подъ Плевной и въ другихъ бояхъ подъ градомъ пуль и ядеръ, всегда впереди своихъ солдатъ? Вся Россія съ замираніемъ сердца слѣдила за дѣлами его неимовѣрной отваги, которая дѣйствительно напоминала времена сказочныя. Но какъ солдаты, бывшіе подъ его начальствомъ, такъ и народное чувство, съ трепетомъ за нимъ слѣдившее, плѣнялись не отвагой, а силой духа, которой она была выраженіемъ. Онъ не щеголялъ отвагой безъ нужды; онъ не метался, безсильно какъ угорѣлый въ опьяненіи битвы; предъ лицомъ смерти онъ оставался спокоенъ и твердъ и продолжалъ обдумывать свои планы и дѣлать свое дѣло, ничѣмъ не развлекаясь и не смущаясь. Нужна была великая сила духа, чтобъ изо дня въ день непрерывно сохранять это самообладаніе, и оно-то дѣйствовало такъ вдохновительно на войска; въ этомъ-то самообладаніи была тайна его обаянія и въ этомъ самообладаніи, предъ лицомъ смерти, прежде

всего сказался полководецъ, способный водить свои полки къ побѣдамъ. Но непрерывное напряженіе силъ, чтобы сохранять нравственное равновѣсіе въ виду смерти, обходится дорого; оно пожираетъ человѣка. И бываетъ такъ, что люди, привыкшіе къ такому напряженію силъ, нуждаются въ смертной опасности и ищутъ ея, чтобы вызывать и поддерживать въ себѣ силу духа, безъ котораго жизнь для человѣка одареннаго не имѣетъ цѣны.

Скорбь, съ которою проводили мы останки Скобелева, не походитъ на унынiе... Нѣтъ, онъ не унесъ съ собою нашихъ надеждъ; подвигами своей кратковременной жизни онъ возбудилъ и возвысилъ наши надежды. Когда пробьетъ часъ великихъ дѣлъ, Скобелевы явятся на Руси. Русская исторія не привыкла хранить людей для запаса; изъ ея живыхъ силъ на новое дѣло появятся, Богъ дастъ, новые дѣятели. Лишь бы Русь сохранилась Русью, лишь бы не ослабѣвалъ тотъ народный духъ, который создалъ и возвеличилъ наше государство! Только этотъ духъ и можетъ создавать у насъ великихъ людей,—и полководцевъ, и правителей,—и этотъ духъ жилъ въ Скобелевѣ, и ему обязанъ Скобелевъ честію, которая провожаетъ его въ могилу. Даровитость его природы и пріобрѣтенныя имъ военныя познанія не сдѣлали бы его полководцемъ, какимъ онъ былъ, не поддержали бы его на высотѣ его соображеній и даже личнаго мужества, если бы не этотъ животворящій народный духъ, который сообщалъ, при его молодости, благоразуміе и зрѣлость его рѣшеніямъ, согрѣвалъ его мысль, поднималъ ее и расширялъ ея кругозоръ. Воспитанный на чужбинѣ, живя среди толкотни смутныхъ воззрѣній, которыя волнуютъ наше время, Скобелевъ оставался въ своихъ убѣжденіяхъ глубоко русскимъ человѣкомъ, вѣрнымъ патріотическому долгу. Вотъ почему онъ не терялся въ отвлеченностяхъ и отличался здравомысліемъ и трезвостію въ своихъ соображеніяхъ. Онъ былъ не просто зубцомъ машины, но понималъ вещи въ ихъ обширной связи и каждой подробности давалъ значеніе съ точки зрѣнія цѣлаго. Дѣйствуя въ степяхъ Средней Азіи и побѣждая тамъ трудности, которыя до тѣхъ поръ казались неодолимыми, онъ одушевлялся мыслію о Босфорѣ, и живая мысль его усматривала внутреннюю связь нашихъ историческихъ задачъ на востокѣ съ нашими внутренними затрудненіями. Сообщая

намъ свои соображенія касательно Текинскаго оазиса, онъ между прочимъ писалъ: „вотъ тѣ политическіе и военные идеалы, которые въ будущемъ должны лежать въ основѣ нашихъ дѣйствій и которыми я руководствовался, памятуя священныя слова покойнаго императора, сказанныя мнѣ предъ отправленіемъ въ экспедицію... Лично для меня весь среднеазіятскій вопросъ вполнѣ осязателенъ и ясенъ. Если помощію его мы не рѣшимъ, въ непродолжительномъ сравнительно времени, серьёзно взять въ руки восточный вопросъ, то азіятская овчинка не будетъ стоить выдѣлки. Смѣю думать, что рано или поздно русскимъ государственнымъ людямъ придется сознаться, что Россія „должна“ обладать Босфоромъ, что отъ этого зависитъ нетолько ея величіе, но ея безопасность въ смыслѣ оборонительномъ и соотвѣтственное развитіе ея мануфактурныхъ центровъ и торговли. Никто, полагаю, не будетъ оспаривать, что пока польскій и западно-русскій вопросы будутъ тяготѣть надъ нами, всякое правильное развитіе въ лучшемъ народно-историческомъ значеніи этого слова будетъ крайне затруднено. Въ настоящее время, несмотря на потраченныя кровавыя усилія, всѣ наши границы остались открыты вражьему нашествію, вынуждающему насъ содержать такую громадную армію, а польскій вопросъ, особенно теперь, въ виду неминуемыхъ усложненій, порожденныхъ австро-германскимъ союзомъ, держитъ насъ въ осадномъ положеніи. Только владѣя Босфоромъ, Россія сможетъ сознательно и безповоротно произнести преждевременный пока возгласъ разбитаго Костюшки: „finis Poloniae“, т. е. „конецъ Польши“.

Да, мы потеряли славнаго вождя нашихъ войскъ, и потеряли именно въ то время, когда предвидится близкая нужда въ его дарованіяхъ. Трудно оцѣнить ту потерю, которую понесла Россія; враги наши сознаются, что со смертью его русскія военныя силы уменьшились какъ бы на 300.000. — Да, они не преувеличиваютъ...

Но духъ героя остался въ русскомъ народѣ; явится надобность — онъ воплотится и узнаютъ враги, что слишкомъ порадовались, что изъ сѣмянъ, кинутыхъ въ русскій народъ геніемъ Скобелева, уже возросли новые герои... и страшный отпоръ встрѣтятъ враги наши.

Заграничныя газеты о Скобелевѣ.

Передъ нашими заграничными друзьями и врагами еще ярко рисовался образъ Скобелева, полнаго жизни и энергіи,— Скобелева, обѣщавшаго міру рядъ громкихъ подвиговъ, когда внезапно пришла вѣсть о его кончинѣ. Вѣсть эта настолько противорѣчила оставленному имъ въ послѣднюю его поѣздку впечатлѣнію, что никто не хотѣлъ ей вѣрить и всѣ почти газеты, помѣщая свои сужденія по поводу случившагося, сопровождали ихъ оговоркой: „если это правда". Когда сдѣлалось несомнѣннымъ наше народное горе, всѣ органы заграничной прессы поспѣшили отдать дань своего уваженія и своей вражды покойному. Наиболѣе сочувственные отзывы помѣстили французскія газеты; выражая свое глубокое соболѣзнованіе по поводу внезапной кончины Михаила Дмитріевича, онѣ напомнили читателямъ его подвиги на полѣ брани, его послѣднюю поѣздку въ Парижъ, его рѣчи, взволновавшія всю Европу, и всѣ почти высказали убѣжденіе, что смерть его должна имѣть важное вліяніе на внѣшнюю политику Россіи. Помѣщая некрологъ покойнаго, «La République Française» начинаетъ его такими словами: «современное общество не настолько богато героями, чтобы газета могла пройти молчаніемъ смерть одного изъ нихъ». Обзоръ жизни М. Д. Скобелева приводитъ газету къ тому убѣжденію, что умершій въ Москвѣ «человѣкъ» былъ однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ дѣятелей національной русской партіи; онъ былъ ея надеждой. Его внезапная смерть должна поэтому причинить жгучее горе Россіи». Сочувственный отзывъ помѣщаетъ также газета «Temps». По ея мнѣнію, «подъ стѣнами Плевны, на Балканахъ и при защитѣ Шипки русская армія всѣми своими успѣхами, хотя отчасти, обязана была героизму генерала Скобелева и безпредѣльной вѣрѣ въ него русскихъ солдатъ».

Единодушно высказали свое соболѣзнованіе и англійскія газеты. «Times» помѣстилъ, между прочимъ, слѣдующую характеристику покойнаго: «Отвага выше мѣры, самоувѣренность, основанная на самосознаніи, готовность на самопожертвованіе, умѣнье возбудить мужество и увѣренность въ другихъ—таковы черты геніальнаго героя, и всѣ они были соединены въ Скобелевѣ въ высшей степени». По мнѣнію

«Standard», Россія понесла непоправимую потерю. Въ «Pall Mall Gazette» мы находимъ «личныя воспоминанія о Скобелевѣ». Въ этой интересной статьѣ читаемъ: «Трудно повѣрить, что жизнь генерала Скобелева кончилась. Онъ былъ—вещь до этого неизвѣстная въ Россіи—народнымъ идоломъ. Его идея объ освобожденіи славянъ не согласовалась съ политическими предположеніями Петра Великаго и Екатерины II. Въ Россіи онъ былъ отъявленнымъ «Московитомъ» и имѣлъ достаточныя для этого основанія, каковыя не разъ и высказывалъ. Но онъ признавалъ, что славяне, не жившіе въ степяхъ и равнинахъ, покрытыхъ лѣсами,—славяне, общественная жизнь которыхъ сложилась не подъ вліяніемъ царизма, не должны быть подведены подъ одинъ съ другими уровень. Ихъ историческое развитіе было иное, чѣмъ развитіе московскихъ славянъ. Скобелевъ мечталъ о федераціи не формальной, но способной къ различнымъ приспособленіямъ, хотя въ то же время весьма прочной; о федераціи, основанной на братской любви и племенномъ сродствѣ».

Далѣе авторъ говоритъ объ участіи Скобелева въ Карлистской войнѣ. «Скобелевъ имѣлъ обыкновеніе проводить время своихъ отпусковъ въ Парижѣ, гдѣ онъ и растрачивалъ свои сбереженія. Онъ предавался здѣсь развлеченіямъ, когда началось возстаніе Донъ-Карлоса. Страсть къ военнымъ приключеніямъ побудила его отправиться въ Испанію. Подъ чужимъ именемъ присоединился онъ къ карлистамъ въ то время, когда они осаждали какой-то городъ. Если бы не это похожденіе, говорилъ онъ въ послѣдствіи, Плевна не была бы взята. Вся опытность, которую онъ пріобрѣлъ во время войны Донъ-Карлоса, была имъ примѣнена къ дѣлу передъ турецкими твердынями».

Нѣмецкія газеты отличаются инымъ тономъ сравнительно съ французскими и англійскими. Нѣмцы не могли и не захотѣли скрыть своей радости по поводу смерти ненавистнаго имъ русскаго генерала. У нихъ мы находимъ даже истинно неприличные грубые отзывы о посѣтившемъ Россію горѣ. Другія газеты болѣе сдержанны. Такъ, «National-Zeitung» говоритъ: «Скобелевъ показалъ себя слишкомъ жестокимъ врагомъ Германіи для того, чтобы мы могли выразить у его гроба чувство симпатіи, котораго мы не въ состояніи испытывать». Нѣкоторыя газеты, несмотря на свою вражду къ

Россіи и ея лучшимъ людямъ, отдаютъ однако дань справедливости великимъ заслугамъ и талантамъ Скобелева. Такъ, даже берлинскій «Tagblatt» пишетъ: «Пока генералъ Скобелевъ былъ живъ и со всею страстностью своей натуры выражалъ свою ненависть ко всему нѣмецкому, мы были обязаны самымъ дѣятельнымъ образомъ давать ему отпоръ. Но теперь, когда онъ умеръ, пусть смолкнетъ вражда и ненависть. Въ лицѣ покойнаго Россія потеряла одного изъ своихъ талантливѣйшихъ и блистательнѣйшихъ генераловъ, который представлялъ такое сочетаніе превосходной доблести съ тактическими способностями, какими едва ли располагаютъ многіе изъ нынѣшнихъ русскихъ полководцевъ.» Близокъ къ этому и отзывъ «Kreizzeitung» о личности покойнаго; интересны слѣдующія строки: «панславизмъ теряетъ въ Скобелевѣ всегда готовое орудіе; но было бы глупо думать, что самый панславизмъ тѣмъ самымъ сходитъ со сцены, хотя бы до того времени, пока не явится новый Скобелевъ. Рѣчи Скобелева въ свое время были только симптомомъ извѣстнаго состоянія. Панславизмъ будетъ существовать и безъ Скобелева и не утратитъ чрезъ его смерть ни одного изъ своихъ зловредныхъ качествъ». «Kölnische Zeitung» въ своемъ недѣльномъ отчетѣ помѣщаетъ рѣзкій и недружелюбный отзывъ о кончинѣ Скобелева; но та же газета напечатала на своихъ столбцахъ корреспонденцію изъ Парижа, ярко рисующую въ привлекательныхъ чертахъ образъ покойнаго. По словамъ ея, уже во время хивинскаго похода Скобелевъ внушилъ всѣмъ увѣренность въ своемъ великомъ будущемъ.

Въ хорватской газетѣ «Sloboda» слышится неподдѣльный славянскій плачъ, стонъ души, поражонной глубокимъ горемъ, жгучей болью. Вотъ какія, между прочимъ, строки находимъ мы въ этой статьѣ, окружонной густою траурною каймой и носящей заглавіе: „†Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ“.

„Какъ небесный громъ пронесется по всему міру вѣсть, что герои Плевны и Геокъ-Тепе, генерала Михаила Дмитріевича Скобелева нѣтъ уже въ числѣ живыхъ. Сначала намъ не вѣрилось, чтобы въ столь короткое время, неожиданно и безъ всякихъ предшествующихъ признаковъ опасной болѣзни, смерть могла сразить человѣка, какъ покойный, молодаго, исполненнаго жизненности и энергіи. Но, увы! дѣйствительно нѣтъ болѣе Скобелева на свѣтѣ, — душа героя стоитъ

уже предъ судилищемъ Вѣчнаго Судьи... Утрату мужа, въ коемъ великій русскій народъ видѣлъ свое воплощеніе, горько оплакиваютъ нынѣ и всѣ славянскіе народы,—это утрата, которую долго, долго они не переболѣютъ! Послѣ Наполеона великаго не было мужа, который бы въ столь молодые годы поднялся на такую высоту, какъ М. Д. Скобелевъ. Какъ политика, мы узнали его по его рѣчамъ въ Москвѣ, Парижѣ и Варшавѣ. Свѣтъ дивился, что генералъ можетъ и смѣетъ такъ говорить. Но это говорилъ русскій народъ устами своего любимца. На эти его рѣчи затрепетали отъ радости сердца всѣхъ угнетенныхъ славянскихъ народовъ. Кто тогда могъ подумать, что такъ скоро намъ суждено оплакивать смерть его! По-истинѣ жестоки удары рока! Раздѣляя искренно глубокую печаль, въ которую нынѣ погруженъ весь русскій народъ, и ту великую потерю, которая поразила и насъ, хорватовъ, наравнѣ со всѣми остальными братьями-славянами, стоя на могилѣ великаго покойника, мы посвящаемъ эти строки преславной его памяти съ теплою мольбой, чтобы русская земля, которая имѣла въ немъ непобѣдимаго поборника и представителя, нашла скоро достойнаго ему преемника. Великому русскому народу пусть будетъ утѣшеніемъ, что послѣ Скобелева у него остались еще „Скобелевичи“, а имъ да пошлетъ Богъ вскорѣ случай исполнить завѣтъ, который оставилъ намъ покойный, и оправдать тѣ надежды, которыя и мы, угнетенные славянскіе народы, въ нихъ полагаемъ. А ты, преславный покойникъ, въ короткій срокъ своей жизни ставшій любимцемъ своего народа и пронесшій славу его далеко за предѣлы необъятнаго царства,—твое имя останется неизгладимымъ воспоминаніемъ въ сердцахъ нашихъ. Исторія золотыми буквами запишетъ твои славныя дѣянія, которыя изъ поколѣнія въ поколѣніе будутъ вѣщать: «Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ былъ тотъ великанъ, въ комъ крѣпость и энергія героя соединялась съ величіемъ ума и благородствомъ сердца». Да будетъ тебѣ, народный герой вѣчная память!“

СОДЕРЖАНІЕ.

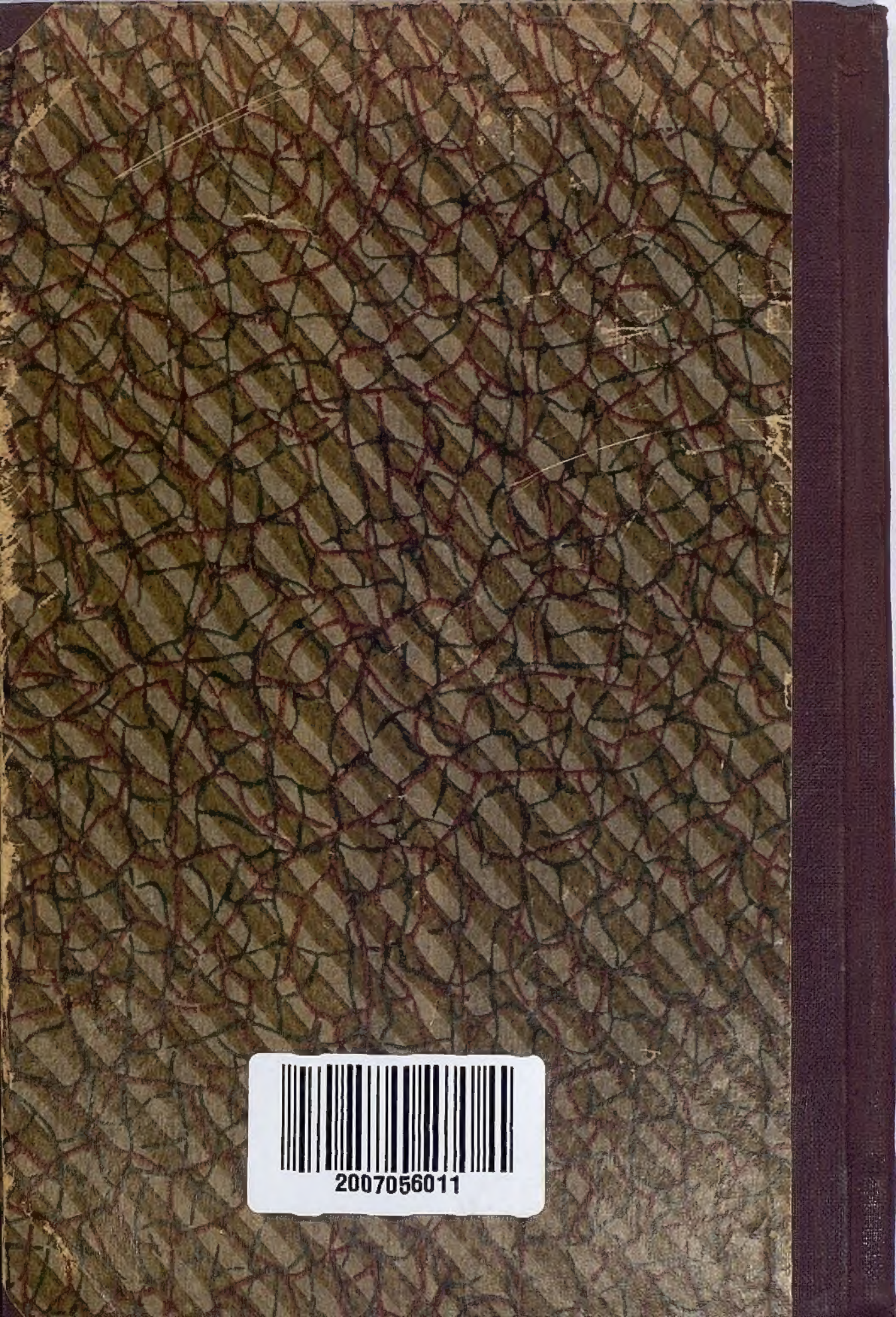
25-го іюня (стихотвореніе *Полонскаго*).—Изъ надгробнаго слова, сказаннаго преосвященнымъ Амвросіемъ.—Фамилія Скобелевыхъ, его дѣтство, образованіе и начало военной дѣятельности.—Скобелевъ въ Средней Азіи.—Скоболевъ на Дунаѣ.—Ловча и Плевна.—Переходъ Скобелева черезъ Балканы.—Занятія Зеленыхъ горъ (бой 30, 31 октября и 1-го ноября), Геокъ-Тепе.—Смерть и проводы Скобелева. — Скобелевъ какъ воинъ и военачальникъ. — Скобелевъ какъ политикъ. — Значеніе Скобелева какъ сына Россіи.—Заграничныя газеты о Скобелевѣ.

Складъ изданія находится на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ гр. Мусина-Пушкина, въ конторѣ Типографіи **Н. К. Коди**, и на Петровкѣ, въ домѣ Кредитнаго Общества, въ конторѣ Типографіи газеты „Московскій Телеграфъ", у **И. С. Матросова.**

Пересылка отъ 1 р. безплатно; при скидкѣ же процентовъ, на счетъ покупателей.

Гг. покупающимъ на сумму отъ 5 до 10 р. **дѣлается скидка** 20%, отъ 10 до 25 р.—25%, а отъ 25 р.—30%.

Москва, Типографія Н. К. Коди, на Страстномъ бул., д. гр. Мусина-Пушкина.


2007056011